

для своего рода и состоянія этого брака со смертной. Я вѣдь сдѣлаю этотъ бракъ вполне уравненнымъ, узаконеннымъ и согласнымъ съ гражданскимъ правомъ». И тотчасъ-же онъ приказываетъ Меркурію найти Психею и возвести ее на небо. И протягивая ей бокаль амброзіи, говоритъ: «Прими, Психея, и будь бессмертна, и никогда Купидонъ не уйдетъ отъ твоихъ объятій, но этотъ бракъ будетъ навѣки нерасторжимымъ».

И немедленно задается роскошный брачный пиръ. Супругъ возлежалъ на самомъ возвышенномъ ложѣ, прижимая къ груди своей Психею. Такъ-же возлежалъ со своею Юноною и Юпитеръ, а затѣмъ, по порядку, и остальные боги. Юпитеру подносили бокаль нектара (единственное вино боговъ) его собственный виночерпій — тотъ деревенскій мальчикъ, — а остальнымъ прислуживалъ Либерь. Вулканъ стряпалъ кушанья, Горы украшали все розами и другими цвѣтами, Граціи обрызгивали бальзамами, Музы пѣли пѣсни, Аполлонъ игралъ на китарѣ, а прекрасная Венера плясала въ ладъ со сладкою музыкой, изобразивъ слѣдующую сцену: Музы пѣли хоромъ, Сатиръ игралъ на флейтѣ, а Панискъ говорилъ въ свирѣль. И вотъ такъ-то, согласно обычаямъ, Психея отдалась подъ власть Купидона и, когда пришло время родовъ, у нихъ родилась дочь, которую мы называемъ Наслажденіемъ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

А
А78 П

ЛУЦІЙ АПУЛЕЙ.

Амуръ и Психея.

Каждый Выпускъ 10 к.

№ 210

Цена 10 к.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

Каждый выпуск 10 коп.

Подъ такимъ названіемъ Акціонерное Общество Типографскаго Дѣла въ С.-П. издаетъ, по образцу известной нѣмецкой „Universal-Bibliothek“, рядъ выдающихся произведеній писателей русской и западно-европейской литературы, начиная съ классиковъ. Во „Всеобщую Библиотеку“ входят также труды въ области исторіи и науки и изданія справочнаго характера.

Задача „Всеобщей Библиотеки“ дать возможность русскому читателю за скромную плату получить литературныя произведенія въ строго проверенной редакціи ихъ текстовъ или въ хорошихъ переводахъ, соціально выдающихся высказаній и ученыхъ во всѣхъ областяхъ знанія, а также книгъ широкаго практическаго значенія. Большинство выпусковъ снабжено портретами авторовъ, а нѣкоторые (серія „Великіе художники“) также и репродукціями, въ числѣ отъ 4-хъ до 12-ти, на отбѣльныхъ страницахъ.

Каждый выпускъ „Всеобщей Библиотеки“ стоитъ 10 копѣекъ. Большіе обширныя труды издаются въ двойныхъ (20 коп.) или въ тройныхъ (30 коп.) выпускахъ. Всѣ томики имѣются въ переплетѣхъ — на 10 коп. дороже.

1. Проф. Т. Ггановскій. Четыре характеристики: Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX, Езковъ. 1. 3.
2. А. Грибѣдовъ. Горе отъ ума. 1.
3. Р. Гюго. Избран. стихотв. 1. 5.
4. В. Шекспиръ. Гамлетъ, принцъ Датскій. 1. 3.
5. 6. М. Сервантесъ. Донъ-Кихотъ Ламанчскій (съ иллюстр.) 1.
7. В. Никольскій. Народн. движ. въ Россіи. I. „Морозовщина“.
- 8—10. Р. Базень. Умирающая звезда. Романъ.
11. Вик. Аловъ. Русскіе еретики XIV—XVI вв.
12. И. Д. де-Фо. Робинзонъ Крузо (съ иллюстраціями). 1.
14. 43, 68, 89, 101 и 102. Проф. П. Нудряевъ. Римскія женщины и Нероуъ.
14. Проф. П. Нудряевъ. Римскія женщины, Агрипина старшая и Мессалина.
15. М. Метерлинкъ. Слѣдые.—Внутри.—Сестра Беатриса. 4.
- 16—18. Проф. А. Рамбо. Исторія франц. революціи (1789-1799).
19. А. Марлинскій. Наѣзды.
- 20, 21. Е. Марлиттъ. Вторая жена.

22. М. Загоскинъ. Кузьяма Рощинъ.
23. А. Чирецкій. Патриархъ Никонъ. Биографія. 5.
- 24—26. Н. Байз. Исторія искусства (Архитект. Скульпт. Живопись).
27. А. Шнитцлеръ. Зеленый популай. Подруга жизни. 4.
- 28, 29. Г. Бичеръ-Стоу. Жизнь дяди Тома.
30. Г. Флорберъ. Продиата. — Легенда о Юліанѣ Милостивомъ.
31. П. Чайковскій. Биографія. Сочин. прозв. Содерж. оперъ.
- 32, 33. В. Шекспиръ. Гамлетъ (с примѣч. для постановки на сценѣ).
34. Э. Мюнцъ. Рафаэль. 2.
35. Ф. Шиллеръ. Избранныя стихотворенія. 1. 5.
36. Н. Римскій-Корсаковъ. Биографія. Списокъ произведеній. Содержаніе оперъ. 5.
37. Слово о полку Игоревѣ. Тексты переводы, критич. аннотации (М. Н. Пир. допущ. какъ учеб. пособіе). 3.
38. В. Никольскій. Народн. движ. въ Россіи. II. Стенька Разинъ и „разиньщина“ (съ картами).
- 39, 40. Р. Базень. Возрождающа яся земля. Романъ.

Луцій АПУЛЕЙ.

АМУРЪ и ПСИХЕЯ.

Сказка.

Переводъ съ латинскаго и предисловіе

Ф. Ф. Миловидова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Акці. О-ва Типографскаго Дѣла въ С.П.,
7 рота, № 26.

1913.

Всѣ томики имѣются въ переплетѣхъ — на 10 коп. дороже.

A
478

1992 г.

2006

1973 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Луцій Апулей родился въ первой четверти 2-го вѣка по Р. X. въ римской колоніи Африки — Мадавръ. Учился сначала въ Карфагенѣ, а по смерти отца довершилъ образованіе, отправившись путешествовать. Онъ побывалъ въ Афинахъ, гдѣ изучалъ платоновскую философію, въ Средней Греціи, Тессалии; посѣтилъ повидимому Фригію, малоазиатское острова; былъ въ Италіи и занимался нѣкоторое время адвокатурой въ Римѣ. Здѣсь-же, вѣроятно, написаны были имъ «Метаморфозы» или «Золотой Осель». Около 155 г. Апулей покинулъ Римъ и вернулся въ Африку; посѣтивъ Александрію, онъ принужденъ былъ остановиться въ Оа (Триполи), въ домѣ своего товарища по Афинамъ, молодого Сидиніуса Понтіануса, и вскорѣ женился на его матери, почти сорокалѣтней вдовѣ, Эмилии Пудентиллѣ. Апулею было тогда 28 лѣтъ; женитьба его на богатой вдовѣ, имѣвшей взрослыхъ сыновей, подала поводъ роднымъ ея обвинить Апулея въ чарахъ и колдовствѣ, и ему пришлось оправдываться. Съ успѣхомъ защитивъ себя отъ этихъ обвиненій, Апулей вмѣстѣ съ женой отправился въ Карфагенъ, гдѣ до самой смерти (около 185 г. по Р. X.) пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Среди сочиненій Апулея наиболѣе извѣстенъ его романъ «Метаморфозы»¹⁾, въ который вошла, какъ одинъ эпизодъ, сказка объ Амурѣ и Психеѣ.

Сказка объ Амурѣ и Психеѣ, — перлъ не

1) Metamorphoseon libri XI, sive De asino aureo.

74789K

БИБЛИОТЕКА
Королевскаго филіала
Высшейшя наукъ СССР

В. В. № 210.

Типографія Акц. Общ. Тип. Дѣла въ СНБ,
7 рога 26.

только античной, но и всей мировой литературы, — вызвала всегда самые различные истолкования, служа и по сию пору предметом разносторонняго изучения. Однимъ изъ первыхъ, кто затронулъ сюжетъ Апулеевой сказки, былъ Фульгенцій¹⁾, церковный писатель и биографъ, родомъ изъ Африки. Въ своихъ *Mythologiarum libri tres* Фульгенцій, между прочимъ, излагаетъ искаженный рассказъ мифъ объ Амурѣ и Психеѣ, извѣстный ему изъ сочинения Апулея, его земляка²⁾. Съ легкой руки Фульгенція, придавшаго сказкѣ Апулея аллегорическій смыслъ, идутъ всѣ дальѣйшія попытки воссоздать то первоначальное ядро (мифъ или сказку), изъ котораго развился рассказъ объ Амурѣ и Психеѣ, найти смыслъ и идею воспроизведенной Апулеемъ сказки. Дѣло въ томъ, что на нѣкоторыхъ памятникахъ классическаго искусства найдены были аллегорическія фигуры Эроса, Психеи, а также другихъ выразителей души человѣческой. Психея при этомъ изображается въ видѣ дѣвушки съ крылышками бабочки (*psyche* по греч. означ. и «душа») и «бабочка», слѣдовательно нужно было предположить, что существуетъ какой-то греко-римскій мифъ о Психеѣ — душѣ и Эростѣ — любви, который и былъ положенъ въ основу рассказа Апулея³⁾. Если исходить изъ такой точки зрѣнія, то придется искать въ рассказѣ Апулея не простой народной сказки, а аллегорію, обусловленную античнымъ мифомъ.

¹⁾ Fabius Planciades Claudius Gordianus Fulgentius, род. 468 г. по Р. X.

²⁾ Фульгенцій сообщаетъ, что нѣкій Аристофонтъ изъ Аоніи рассказываетъ исторію Амура и Психеи въ книгѣ, наз. *Dysastia* и не дошедшей до насъ.

³⁾ Есть также два изображенія Психеи на барельефахъ; но они несомнѣнно относятся ко временамъ послѣ Апулея. Психея представлена по сказкѣ Апулея: съ муравьями, которые помогаютъ ей разобрать хлѣбныя зерна, и съ орломъ, доставшимъ ей запретной воды Стикса.

Такою именно аллегорію, выражающую въ общемъ, идею исконнаго стремленія къ любви и совершенству человѣческой души, считаею различными испытаніями, — аллегорію, которая покоится на представленіяхъ платоновской философіи и выражена была въ стихотвореніяхъ Мелеагра, поэта послѣдняго вѣка до Р. X., толкованія послѣдующихъ вѣковъ свели даже къ мистицизму. Если Кальдеронъ понималъ эту аллегорію въ духѣ католической религіи, а Эрнестъ де Калоннъ видѣлъ въ сказкѣ Апулея компромиссъ іудейскихъ и языческихъ традицій (книги Библии и книги Орфея), то ужъ не далеко было до отождествленія Психеи съ Евой, не трудно уже было усмотрѣть въ сказочномъ дворцѣ Амура — рай нашихъ прародителей, а въ самомъ рассказѣ объ Амурѣ и Психеѣ — символическое изображеніе исторіи всего человѣчества!¹⁾

¹⁾ Сюжетъ сказки объ Амурѣ и Психеѣ, которую Гердеръ называетъ самымъ тонкимъ и разностороннимъ изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ романовъ, съ этой стороны привлекалъ вниманіе многихъ поэтовъ и писателей, не говоря уже о художникахъ. Извѣстенъ бретонскій романъ *Parthenoreus de Blois* французскаго поэта XIII в. *Denys Puyamus'a*. Сюжетъ этого романа, написаннаго очень вычурнымъ языкомъ, представляетъ исторію Амура и Психеи, но наоборотъ: рыцарь Партенопей нарушаетъ обѣтъ не стараться увидѣть лица своей возлюбленной, феи Меліоръ (романъ изд. Срапетъ въ 1834 году). Мольеръ, Корнель, Ламартинъ, Лапрудъ, наконецъ, Лафонтенъ, съ басни котораго „*Les amours de Psyche*“ написана „Душенька“ Богдановича, — всѣ они затрагивали такъ или иначе сюжетъ Апулеевой сказки. Интересъ Гете къ сказкѣ Апулея, рисунки на сюжете которой украшали его комнаты, также извѣстенъ, какъ и аллегорическое ея истолкованіе, данное Шопенгауэромъ. Въ Германіи изъ поэтовъ, кромѣ Роберта Гамерлинга, не такъ давно Георгъ Мейеръ пытался переложить исторію объ Амурѣ и Психеѣ въ стихи гекзаметромъ: *Eros und Psyche*. Извѣстна также опера „*Eros und Psyche*“ нѣмецкаго композитора Макса Цейгера (р. 1837 г.) Наконецъ на сюжетъ Апулеевой сказки написана сценическая поэма Ю. Жулавскаго „Эростъ и Психея“.

Но имѣть-ли исторія Амура и Психеи такое отношеніе къ аллегоріи, и что она, на самомъ дѣлѣ, представляетъ собою? — За исключеніемъ именъ «Амура» и «Психеи», едва-ли не единственныхъ реальныхъ данныхъ для аллегорическаго истолкованія, почти все остальное, — весь рассказъ и по формѣ и по содержанію — народная сказка, въ которой слишкомъ много такого, чего никакъ нельзя вывести за предѣлы обычныхъ сказочныхъ ситуацій. Остовъ этой сказки таковъ: Пара любящихъ, но разлученныхъ по волѣ судьбы существъ въ концѣ концовъ, претерпѣвъ рядъ испытаній, соединяется навѣки. — Мало того, самая завязка и развитіе идетъ по шаблону сказочнаго построенія: У царя съ царицею три дочери — красавицы, но всѣхъ добрѣе, прекраснѣе и невиннѣе — самая младшая. По предначертанію судьбы она достается въ жены невѣдомому чудовищу, которое днемъ принимаетъ видъ животнаго (форма животнаго эпоса) и только ночью, до появленія свѣта, посѣщаетъ свою супругу, которая не должна видѣть его лица. Подъ влияніемъ своихъ завистливыхъ сестеръ, она нарушаетъ запретъ и поднимаетъ руку на своего супруга, вслѣдъ за чѣмъ наступаютъ для нея разлука съ мужемъ и тяжелыя испытанія, въ которыхъ ей оказываютъ помощь животныя и вещи (форма сказокъ о благодарныхъ животныхъ и предметахъ). Л. Фридендеръ, анализировавшій сказку объ Амурѣ и Психеѣ¹⁾, приводитъ не мало нѣмецкихъ и др. сказокъ, во многихъ чертахъ весьма сходныхъ съ исторіей объ А. и П. Специальное изслѣдованіе Э. Коскана даетъ богатую литературу сюжета; онъ приводитъ сказки, тождественныя съ рассказомъ Апулея, и по степени близости съ нимъ

¹⁾ L. Friedländer. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. Ч. I. Всего семь изданій.

дѣлать ихъ на нѣсколько¹⁾ группъ. Несомнѣнно, что сказка Апулея ведетъ свое начало отъ какого-то широко распространеннаго источника, примитивной сказки. Тотъ обильный матеріалъ, который пред-

¹⁾ E. Cosquin. Contes populaires de Lorraine т. II, въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ: LXIII. Le Loup blanc (стр. 215 сл.) и LXV. Firosette (стр. 234 сл.). Коскэнъ пользуется сказками французскими, нѣмецкими, норвежскими, датск., исландск., новогреч., итальян., тирольск., порг.-бразильск., баск., польск., лит. и даже русскою (по Ralston'у). Сравнивая сказку „Вѣдый волкъ“ (LXIII) своего собранія съ различными сказками, Коскэнъ не могъ воспользоваться прекраснымъ русскимъ вариантомъ изъ собранія Аванасьева. Эта сказка, о „Перушкѣ Финиста-ясна сокола“ (два варианта у Аванасьева, № 129, 1897, II) и „Заклятой Царевич“ (тамъ-же № 155), очень похожа на сказки типа LXIII Коскана. Какъ и въ сказкѣ французской, здѣсь у старика отца (№ 155 — купца) три дочери. Отправляясь въ путешествіе, онъ спрашиваетъ, что привезти каждой. Старшія просятъ украшеній и нарядовъ, а самая младшая останапливаетъ свой выборъ на аленькомъ цвѣточкѣ (въ основной сказкѣ №-ра 129: перушкѣ Финиста-ясна сокола, въ № 155 цвѣточкѣ, нарисованъ на бумагѣ; во фр. сказкѣ LXIII маргаритка, въ др. случаяхъ руга и т. п.). Отецъ достаетъ необходимый предметъ и привозитъ дочери съ обязательствомъ, чтобы она сдѣлалась женою невѣдомаго существа, давшаго ему этотъ предметъ (въ № 155 отецъ дѣвушки срываетъ цвѣтокъ, въ какомъ-то богатомъ саду и на мѣстѣ цвѣтка появляется чудовищный змѣй, хозяинъ сада; точно также и во франц. LXIII: жаба-владѣлецъ замка; № 129, вар. говорить, что цвѣтокъ далъ отцу дѣвушки какой-то старичокъ, потребовавшій выдать за его сына Финиста-сокола дочь просившаго цвѣтокъ). Ночью невѣдомый супругъ дѣвушки превращается (№ 129 Перушко Финиста-ясна сокола) въ прекраснаго юношу, а днемъ летаетъ по небесью. Злыя и завистливыя сестры младшей дочери подслушали ночные разговоры у сестры и устроили въ окнѣ засаду: онѣ воткнули острые ножи на окнѣ, и Финистъ-ясенъ соколъ обрѣзалъ себѣ до крови крылышки (вар. № 129 „дѣвую ножку“). Финистъ-ясенъ соколъ улетаетъ и дѣвушка отправляется на поиски супруга. Найдя его, она, однако, не можетъ говорить съ нимъ, такъ какъ видитъ его спящимъ и никакъ не добудится его, пока на него изъ глазъ

лагаютъ намъ изслѣдованія, посвященныя сказкѣ объ А. и П., даетъ полную возможность прослѣдить исторію каждаго мотива и эпизода этой сказки. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, укажемъ вкратцѣ тѣ мотивы, которые разбросаны въ часто различно развивающихся сказкахъ или же составляютъ отдѣльныя сказки. Супругъ Психеи, являющийся въ представленіи ея сестеръ отвратительнымъ змѣемъ, въ параллельныхъ сказкахъ выступаетъ въ видѣ льва, медвѣдя, волка, собаки (пуделя), обезьяны, осла, а также и змѣя. Отцомъ дѣвушки, обреченной въ дань чудовищу, является то просто человѣкъ, то бѣднякъ, то купецъ, то, наконецъ, король. Испытанія Психеи находятъ себѣ иногда слишкомъ сходныя параллели¹⁾, а помощь благодарныхъ²⁾ ей животныхъ, помимо европейскихъ сказокъ, позволяетъ подыскать параллель въ сказкѣ

ея не падаетъ слеза, которая обжигаетъ его, и онъ просыпается (вар. — булавка, вырonnenая изъ ея головы). Сказка заканчивается свадьбою. Срв. вар. Худякова, Великор. сказки I, № 5. Сказка № 155 замѣчательна еще подробностями: дочь купца, придя во дворецъ своего змѣя-супруга, видитъ всюду бархаты и золото, но ни единой живой души. Ей захотѣлось ѣсть, и не успѣла она подумать, — какъ предъ ней явились кушанья. Затѣмъ она отправилась въ опочивальню и ночью явился къ ней супругъ. Срв. „Русланъ и Людмила“ Пушкина и вар. сказокъ у Głinskiy, Bajarz polski, Вильно 1853, II стр. 137—158; Рудченко, Южно-р. сказки, I, № 43, а также „Аленькой цѣточекъ“ въ соч. С. Т. Аксакова „Дѣтскіе годы Вагрова внука“, прилож., с. 485—517. См. также работы М. Kawczynsky въ извѣстіяхъ Академіи Наукъ (Krakow) 1899 и 1901 и „Романъ Апулея и народная сказка“ В. Андерсона въ Ученыхъ Извѣстіяхъ Им. Каз. Унив.

¹⁾ Напр. италіян. сказка у Коскена, Contes, II, LXV, въ прим.

²⁾ Эта черта, свойственная индійскому первоисточнику и многимъ сходнымъ со сказкою объ А. и П. сказкамъ, въ этой послѣдней отсутствуетъ, что можетъ, между прочимъ, служить въ пользу соображенія, что сказка Апулея проникла на римскую почву въ относительно позднее время.

индійской изъ Калькутты¹⁾ и въ сказкѣ изъ «Тысячи и одной ночи²⁾». Приведемъ индійскую сказку, записанную въ 1833 году въ Индіи, и имѣющую болѣе всего связи со сказкою Апулея и всѣми близко къ ней стоящими. По отдѣльнымъ мотивамъ, входящимъ въ нее, можно легко подыскать въ европейской сказочной литературѣ параллели, — вплоть до легенды о Лоэнгрингѣ, — но эта сказка замѣчательна преимущественно тѣмъ, что она въ цѣломъ весьма напоминаетъ исторію Амура и Психеи, воспроизведенную Апулеемъ.

«Дочь бѣднаго дровосѣка, Тулиза, собирала однажды въ лѣсу хворостъ; вдругъ она услышала голосъ, который спросилъ ее, не выйдетъ-ли она за него замужъ. Тулиза рассказала объ этомъ домашнимъ, и отецъ рѣшаетъ выдать свою дочь за это невѣдомое существо, такъ какъ оно сулитъ ему богатство. Тулиза переселяется въ замокъ своего невѣстнаго супруга, котораго она видитъ только ночью и который запретилъ ей принимать кого-либо въ замокъ. Но однажды Тулиза не удержалась и впустила къ себѣ какую-то старуху, которая заставляетъ Тулизу обратиться къ мужу съ вопросомъ: какъ его имя. Тотъ говоритъ, что не можетъ ей открыться, но, когда ничто не помогло и Тулиза настойчиво спрашиваетъ мужа, то онъ привелъ ее къ рѣкѣ и здѣсь трижды просилъ ее отказаться отъ своего любопытства. Та не соглашается

¹⁾ Муравъ и помогаютъ герою.

²⁾ Принцъ, отправившійся за добываніемъ невѣсты, по дорогѣ оказываетъ услуги различнымъ животнымъ — кузнечикамъ, слонамъ. Эти животныя впоследствии помогли ему въ его затруднительномъ положеніи, отъ котораго зависѣла его жизнь: кузнечики собрали верна, а слоны выпили воду изъ огромнаго бассейна, который долженъ былъ осушить принцъ и т. д.

и онъ, назвавъ свое имя — «Basnok-Dau» (Баснок-Дау), скрывается подъ водою, а на мѣстѣ его появляется изъ воды голова змѣя. Тулиза становится опять бѣдной дочерью дровосѣка. Однажды ей пришлось спасти жизнь бѣлѣ и та помогаетъ ей узнать о мѣстопребываніи мужа, который оказывается змѣемъ. Онъ превращенъ былъ въ человека, по могъ обратиться снова въ змѣя, если откроетъ свое имя дѣвушкѣ на землѣ. Объ этомъ старалась его мать, царица змѣй, которая и являлась къ Тулизѣ подъ видомъ старухи. Чтобы вернуть къ себѣ мужа, Тулиза должна носить на груди своей яйцо птицы Numa (Гума), пока изъ него не выведется птенецъ. Тулиза приходитъ къ королевѣ змѣй и исполняетъ съ помощью пчелъ и бѣлокъ работы матери своего мужа: собрать въ хрустальную вазу запахи съ 1000 цвѣтѣвъ, растущихъ въ неприступномъ окруженномъ высокими стѣнами саду, и достать кувшинъ зеренъ для ожерелья. Наконецъ, изъ яйца появляется Numa, которая летитъ къ королевѣ змѣй и выклеиваетъ глаза змѣѣ, обвивавшей шею королевы. Баснок-Дау становится королевемъ и мужемъ Тулизы.

Эта индѣйская сказка позволяетъ думать, что въ Индіи существовала нѣкогда сказка, представлявшая собою тотъ примитивный типъ, отъ котораго пошли сказки европейскія и одинъ вариантъ которой дошелъ въ народной передачѣ до Апулея, воспользовавшагося ею для своего фантастическаго романа! ¹⁾ То широкое распространеніе, которымъ поль-

¹⁾ Здѣсь, вѣроятно, не малую роль играли такъ называемые „Милетскіе рассказы“, до насъ не дошедшіе и извѣстные Апулею въ народной традиціи. Милетъ былъ, повидимому, средоточіемъ этихъ сказокъ, новеллъ и басенъ, идущихъ чрезъ Малую Азію съ Востока.

зуется эта первоначальная сказка (со своими позднѣйшими наслоениями и варіаціями), которая съ одной стороны дала сюжетъ Апулеевой исторіи объ Амурѣ и Психеѣ, а съ другой — проникла въ многочисленныхъ вариантахъ въ народную словесность всѣхъ европейскихъ народовъ, уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о глубокой древности ея возникновенія, далеко уходящей отъ античнаго времени.

Въ заключеніе укажемъ нѣкоторые приемы и выраженія въ сказкѣ Апулея, обусловленные заимствованіемъ, подражаніемъ или вообще условіями, при которыхъ писался романъ Апулея. «Метаморфозы» Апулея не были оригинальнымъ произведеніемъ, это была, такъ сказать, обработка ходячаго сюжета, который далъ еще двумъ предшественникамъ Апулея — Лукіану, греческому софисту (р. около 125 г. по Р. X.) и нѣкому Лукію, наз. Псевдо-Лукіемъ. У Лукіана Апулей взялъ для своей сказки (которой, конечно, не находимъ у перваго) характеры боговъ и ихъ занятій. Греческая литература, очевидно, хорошо была извѣстна образованному и много путешествовавшему на своемъ вѣку Апулею. Древне-греческіе (эллинистическіе) романы Ксенофонта Эфесскаго (II—III в. по Р. X.), Харитона (II—III в.) и др. ¹⁾, равно какъ и буклическая поэзія Теокрита, а также ямбическая (Герондъ) оставили слѣды въ стилѣ сказки Апулея. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ, — всего болѣе въ заключеніи сказки, — мы встрѣчаемъ достаточное количество юридическихъ терминовъ и формъ, — отзвукъ римскихъ занятій Апулея адвокатурою.

Ф. Миловидовъ.

¹⁾ Что касается сходства нѣкоторыхъ выраженій, по техникѣ напоминающихъ стильъ романовъ Ахилла Тація (V в.) и Лонга („Дафнисъ и Хлоя“) то оно или совершенно случайно или-же даетъ намъ право предположить заимствованіе у нашего писателя.

Амуръ и Психея.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жили царь и царица. Было у нихъ три дочери замѣчательной красоты. Но хотя старшія изъ нихъ и отличались самой прелестной внѣшностью, однако, красота ихъ вполне поддавалась превознесенію человѣческими хвалами. Красота-же младшей дѣвушки была столь необычайна и столь ослѣпительна, что ея невозможно было выразить на словахъ и не хватало рѣчи человѣческой для ея восхваленія. И много богатыхъ гражданъ и иноземцевъ, которые стекались услужливыми толпами на молву о необыкновенномъ зрѣлищѣ, цѣпенѣли отъ изумленія при видѣ этой непостижимой красоты и, прикладывая къ своимъ устамъ указательный палецъ правой руки, сложенный съ поднятымъ вверхъ большимъ, благоговѣйнымъ поклоненіемъ воздавали дѣвушкѣ божескія почести, какъ самой богинѣ Венерѣ. И уже въ ближайшія государства и сосѣднія страны стали проникать слухи, что богиня, рожденная лазурною глубио моря и вскормленная брызгами пѣнящихся волнъ, распространяетъ то здѣсь, то тамъ свои божественныя милости и живетъ среди народныхъ сонмовъ; или-же что и впрямь, какъ новый отпрыскъ небесныхъ свѣтилъ, не море, а земля произвела на свѣтъ другую Венеру, одаренную дѣвственною красою.

Такъ безконечно, изо-дня въ день, все дальше разносился слухъ, такъ пространная молва проникла уже и на ближайшія острова, и дальше

во многія провинціи. И вотъ многіе изъ смертныхъ долгими путями и по волнамъ глубочайшаго моря стали стекаться сюда ради прославленнаго украшенія своего вѣка. Никто теперь не путешествуетъ ни въ Пафосъ, ни въ Книды, ни даже на самую Цитеру, для лицезрѣнія богини Венеры. Перестали приносить жертвы этой богинѣ, храмы ея обезображены, священныя подушки лежатъ въ забвеніи, священнодѣйствіями пренебрегаютъ, изображенія стоятъ безъ вѣнковъ и на алтаряхъ хладный прахъ и мерзость заустѣнія. Люди возносятъ мольбы смертной дѣвѣ и въ человѣческомъ образѣ умилоствивлютъ божеское величіе небожительницы. При утреннемъ появленіи дѣвы жертвами и пиршествами умилоствовали боже-ство отсутствующей Венеры, а когда она шла по улицамъ, толпы народа благоговѣйно чтили ее вѣнками и цвѣтами.

Это неумѣренное перенесеніе божескихъ почестей къ культу смертной дѣвы горячо воспламенило душу настоящей Венеры и она, не въ силахъ будучи сдерживать свое негодованіе, потрясая головой, глубоко негодовала и такъ разсуждала сама съ собою: «Мнѣ-ли, прародительницѣ вещей природы и первоначалу стихій, благой Венерѣ, богинѣ всего міра, — мнѣ-ли дѣлать божескія почести со смертною дѣвою и допускать, чтобы имя мое, освященное небомъ, осквернялось земною грязью! Значить, я буду терпѣть неопредѣленное положеніе второстепеннаго божества при общихъ съ нею умилоствительныхъ жертвахъ, и мой образъ будетъ носить всюду смертная дѣва! Напрасно-же тотъ пастухъ, безпристрастный судъ котораго вполне одобрилъ великій Юпитеръ, отдалъ мнѣ, ради моей исключительной красоты, предпочтеніе передъ столькими богинями. Но, кто-бъ она ни

была, пусть не слишком-то радуется, что ей удалось присвоить себѣ мои почести: ужъ я устрою такъ, что она сама станетъ расквашиваться въ своей непопозволительной красотѣ!»

И тотчасъ она зоветъ своего крылатаго и достаточно безразсуднаго мальчишка, который, по своимъ дурнымъ привычкамъ, пренебрегаетъ общественнымъ благоустроениемъ и, вооруженный факеломъ и стрѣлами, бѣгаетъ ночью по чужимъ домамъ, расторгая у всѣхъ брачныя узы, безнаказанно совершаетъ множество постыдныхъ дѣлъ и ничего хорошаго не дѣлаетъ. Его-то, уже и такъ, по врожденной необузданности, безстыднаго, она еще подстрекаетъ словами и, приведя въ то государство, показываетъ ему дѣву Психею — такимъ именемъ называлась дѣвица — и, передавъ ему всю исторію о соревнованіи въ красотѣ, волнуясь и задыхаясь отъ негодованія, сказала ему: «Умоляю тебя, во имя узъ материнской любви, во имя сладостныхъ ранъ твоей стрѣлы, ради медвянаго жженія твоего огня, ради отмщенія твоей родительницы, воздай ты полною мѣрою и жестоко покарай эту строптивую красоту: и — пусть это будетъ теперь твоей единственной цѣлью — сдѣлай такъ, чтобы этою дѣвушкой овладѣла самая пылкая любовь къ самому послѣднему человѣку, котораго Фортуна лишила и личныхъ заслугъ, и родовитости, и даже самаго тѣлеснаго здоровья, — настолько ничтожному, чтобы онъ во всемъ свѣтѣ не могъ сыскать себѣ равнаго по своему горестному положенію».

Сказавъ это и своими раскрытыми устами прильнувъ къ сыну долгимъ и крѣпкимъ поцѣлуемъ, она спѣшитъ на край побережья къ прибою, ступаетъ розовыми пятнами на пѣнистый гребень колыхающихся волнъ и вотъ ужъ возсѣдаетъ на влажномъ водоворотѣ глубокаго

моря. А само море, не успѣвъ она еще пожелать чего-либо, тотчасъ, словно она уже приказала, спѣшитъ изъяснить свое повиновеніе. Являются поюція хоромъ дочери Нерея, обросшія синею бородою Поргунъ, Салація, отягченная своимъ рыбьимъ лономъ, и маленькій возникій на дельфинѣ Палемонъ. Повсюду сонмы прыгающихъ Тритоновъ: одинъ слегка трубитъ въ звучную раковину, другой шелковымъ покрываломъ защищаетъ богиню отъ зноя враждебнаго солнца. Тотъ несетъ предъ очами владычицы зеркало, эти плывутъ, впрягшись парой въ колесницу. Такая свита сопровождаетъ Венеру, отправляющуюся къ океану.

Между тѣмъ Психея не можетъ извлечь никакой пользы отъ своей, и ей самой очевидной, красоты. Всѣ взираютъ на нее, всѣ восхваляютъ ее, но никто — ни царь, ни царица, ни даже кто-либо изъ простого народа — не приближается къ ней съ желаніемъ сдѣлать ее своей супругой. Дивятся, правда, божественной осанкѣ, но такъ, какъ всякій дивится мастерски исполненному изображенію. Давно ужъ двѣ старшія сестры, объ умѣренной красотѣ которыхъ никто въ народѣ не разглашалъ, сватанныя женихами-царями, вступили въ счастливые браки, а Психея, въ дѣвицахъ вдова, сидитъ дома и, покинутая, оплакиваетъ свое одиночество, болѣя тѣломъ, изнывая душою, полная ненависти къ своей красотѣ, славной среди столькихъ народовъ.

И вотъ несчастнѣйшій отецъ несчастнѣйшей дочери, подозрѣвая немилость неба и страшаясь въ этомъ гнѣва вышнихъ, вопрошаетъ древнѣйшій оракулъ Милетскаго бога и молитвами и жертвоприношеніями испрашиваетъ у великаго божества брака и супруга для обиденной дѣвушки. Но Аполлонъ, хотя и Грекъ-Іоніецъ, ради

основателя Милета отвѣчаетъ такимъ прорицаніемъ на латинскомъ языкѣ:

«Поставь, царь, на утесѣ высокой скалы
дѣвицу,

Украшенную нарядомъ погребальнаго ложа.
Зятя себѣ ты не жди, рожденнаго смертнымъ
поколѣньемъ,

.А свирѣпаго, дикаго, ехиднаго и дурного.
Онъ, носясь на крыльяхъ по эѳиру, все при-
водитъ въ томленье,

Всѣхъ и каждаго огнемъ и желѣзомъ увѣ-
читъ.

Его самъ Юпитеръ трепещетъ, всѣ боги
страшатся,

Отъ него содрагаются рѣки и мракъ Стикса».

И вотъ нѣкогда счастливый царь, получивъ волю священнаго прорицанія, унылый и опечаленный возвращается домой и разъясняетъ женѣ предначертанія роковаго изреченія оракула. Они скорбятъ, плачутъ и рыдаютъ много дней. Но вотъ приблизилось уже тягостное исполненіе зловѣщаго предсказанія: строятся помосты для хора печальнаго бракосочетанія несчастлившей дѣвушки, уже свѣтъ чернаго смоляного факела меркнетъ подъ пепломъ и сажей, звукъ брачной флейты смѣняется на жалобный лидійскій напѣвъ и радостное пѣніе гимнейона оканчивается печальными воплями, а дѣвушка—будущая жена—утираетъ слезы своимъ брачнымъ покрываломъ.

И даже все государство воздыхало о печальной судьбѣ разстроенной семьи и, въ знакъ народной печали, тотчасъ же объявляется всеобщій трауръ.

Однако, необходимость повиноваться небеснымъ предначертаньямъ вынуждаетъ бѣдняжку

Психею подчиниться назначенному ей испытанію. Лишь только окончилось печальное празднество бракосочетанія, весь сопровождавшій ее народъ въ величайшемъ уныніи проводилъ эту живую покойницу, и плачущая Психея шла въ своей не брачной, а погребальной церемоніи. И когда опечаленные и взволнованные такимъ несчастьемъ родители медлили привести въ исполненіе безбожное дѣло, сама дочь стала убѣждать ихъ такими словами: «Что вы долгимъ плачемъ крушите свою несчастливую старость? Зачѣмъ истомляете безконечными воздыханіями свою душу и еще болѣе мою? Зачѣмъ напрасными слезами обезображиваете ваши дорогія мнѣ лица? Зачѣмъ лишаете свѣта глаза свои? Зачѣмъ рвете свои сѣдины, бьете себя въ грудь и въ священныя перси? Вотъ вамъ прекрасная награда за мою выдающуюся красоту. Поздно вы чувствуете нанесенный вамъ смертельный ударъ преступной зависти. Когда люди и различные народы превозносили насъ божескими почестями, когда меня въ одинъ голосъ называли новою Венерою,—тогда должны были вы оплакивать меня, какъ навѣки утраченную. Уже я чувствую, уже вижу, что погибаю за одно только имя Венеры. Ведите-же меня и поставьте на утесѣ, который указанъ мнѣ, въ прорицаніи. Я спѣшу навстрѣчу этому счастливому браку, спѣшу увидѣть моего благороднаго супруга. Что мнѣ тревожиться, зачѣмъ уклоняться отъ того, кто долженъ притти и кто рожденъ на погибель міра?».

Сказавъ такъ, дѣвушка умолкла и присоединилась къ большой уже толпѣ народа, слѣдовавшаго въ шествіи. Они идутъ къ назначенному утесу крутой горы и тутъ всѣ покидаютъ дѣвушку, возведя ее на самую вершину; остаются здѣсь-же свадебные факелы, которыми

они освѣщали шествіе, потушивъ ихъ своими слезами, и съ поникшими головами начинаютъ расходиться по домамъ. А злополучные родители ея, удрученные такою утратою, сокрылись и заперлись въ домъ и предались мраку безпросвѣтной ночи.

Робкую-же и трепетную Психею, долго сидѣвшую на самой вершинѣ утеса, ласковый вѣтерокъ нѣжно дующаго Зефира незамѣтно поднялъ своимъ лелѣющимъ дыханіемъ, всколыхнулъ края одежды ея, раздулъ ихъ парусомъ и тихо понесъ дѣвушку чрезъ высокіе склоны каменистыхъ горъ, гдѣ, спустившись въ глубокую долину, бережно полагаетъ ее на мураву, покрытую цвѣтами.

Здѣсь, отдыхая въ этихъ прелестныхъ мѣстахъ, обильныхъ травою, на росистомъ ложѣ, Психея успокоилась отъ своихъ душевныхъ волненій и сладко задремала. Подкрѣпившись достаточно сномъ, она воспрянула съ освѣженной душой. И вотъ видитъ она рощу, засаженную высокими и развѣсистыми деревьями, видитъ источникъ, сверкающій кристальною водою. Вблизи источника стоитъ царскій дворецъ, созданный не человѣческими руками, а божественнымъ искусствомъ. Съ перваго-же взгляда, войдя сюда, ты уже узналъ-бы, что передъ твоими глазами — превосходно устроенное и прелестное обиталище какого-то бога: золотыя колонны уходятъ подъ мозаичный потолокъ, прихотливо выточенный изъ лимоннаго дерева и слоновой кости, всѣ стѣны были покрыты рѣзьбою изъ серебра, изображавшею животныхъ и звѣрей, бѣгущихъ прямо на входящаго. Поистинѣ достоинъ удивленія тотъ человѣкъ, скорѣе — полубогъ, или вѣрнѣе — богъ, который утонченностью великаго искусства придастъ такому количеству серебра видъ живот-

ныхъ! Равнымъ образомъ, и самые полы различались другъ отъ друга драгоценными камнями, отдѣльно расколотыми въ различнаго рода рисунки. Чрезмѣрно и бесконечно счастливы тѣ, кто попираетъ ногами драгоценныя камни и украшенія! И прочія части и въ длину, и въ ширину этого безцѣннаго дворца, всѣ стѣны, цѣликомъ сложенные изъ золотыхъ слитковъ, слѣпили глаза своимъ собственнымъ блескомъ, такъ что во дворцѣ былъ день, угодно это было солнцу или нѣтъ. Опочивальни, и портики, и створчатыя двери сверкали такимъ-же блескомъ. Прочее богатое убранство вполне соответствовало великолѣпію дворца, такъ что и впрямь этотъ дворецъ казался устроеннымъ для земного мѣстопробыванія великаго Юпитера.

Увлекаемая очарованіемъ этихъ мѣстъ, Психея подходитъ ближе и уже немного смѣлѣе переступаетъ порогъ. Подстрекаемая любопытствомъ къ этому прекраснѣйшему зрѣлищу, она разсматриваетъ все въ отдѣльности и, наконецъ, видитъ въ другой сторонѣ зданія сокровищницу, совершенное, высокое произведеніе искусства, куда были собраны большія драгоценности. И нѣтъ ничего такого, чего-бы тамъ не оказалось. Помимо того, что вообще богатства эти были изумительны, въ особенности поражало, что эта сокровищница всего міра не ограждалась ни цѣпью, ни замкомъ, ни стражемъ.

Когда она съ величайшимъ восхищеніемъ осматривала это, раздался вдругъ чей-то голосъ, лишенный тѣла, который сказалъ: «Что ты, владычица, изумляешься этимъ богатствомъ? Все это — твое, а потому прослѣдуй въ опочивальню, подкрѣпи усталость на ложѣ и, если угодно, прими омовенье. Мы, голоса которыхъ

ты слышишь, твои рабыни, мы будем усердно служить тебѣ, и для подкрѣпленія тѣла твоего не замедлятъ явиться царскія яства».

Психея чувствуетъ благоволеніе божественнаго провидѣнія и, повинувъ указаніямъ безтѣлесныхъ голосовъ, изгоняетъ усталость сначала сномъ, а потомъ омовеньемъ, и, увидя вдругъ полукруглое возвышеніе, рѣшаетъ, что это — удобное мѣсто для обѣда и подкрѣпленія силъ. Она съ удовольствіемъ возлегла, и тотчасъ къ ней стали подносить нектарныя вина и множество блюдъ съ различными кушаньями: никто, однако, не прислуживалъ, а дѣлалось все по указанію какого-то духа, и хотя Психея никого не могла увидѣть, но слышала исходящіе откуда-то голоса, и только эти голоса были ея прислужницами. Послѣ обильной трапезы кто-то вошелъ и, незримый, сталъ пѣть, другой заигралъ на киварѣ, также невидимый. И тогда до ушей Психеи донеслось мелодичное гнѣе множества голосовъ и, хотя никто не показывался, было очевидно, что пѣлъ цѣлый хоръ. Когда удовольствія окончились и солнце стало склоняться, Психея направляется въ опочивальню.

Уже съ наступленіемъ ночи до ея ушей доносится какой-то звукъ. Тутъ Психея, боясь въ такомъ уединеніи за свою невинность, трепещетъ и дрожитъ отъ страха, и боится всякаго зла, — тѣмъ болѣе, что не знаетъ его. И вотъ приходитъ невѣдомый супругъ, всходитъ на ложе, дѣлаетъ Психею своею женою и поспѣшно удаляется до появленія свѣта. Тотчасъ-же голоса, ожидавшіеся въ опочивальнѣ новобрачной, утѣшаютъ Психею въ потерѣ невинности.

И такъ продолжалось долгое время. И — какъ это согласно природѣ — то, что было ново,

теперь, часто повторяясь, стало привычнымъ, и звукъ голоса неизвѣстнаго былъ отрадою ея одиночества.

Между тѣмъ родители Психеи отъ неустанныхъ печалованій и скорби быстро старятся, а старшія сестры по разошедшейся повсюду молвѣ узнаютъ все и, опечаленныя и огорченныя, поспѣшно покидаютъ своихъ ларовъ и сейчасъ-же отправляются повидаться и поговорить со своими родителями.

Въ эту ночь супругъ такъ говоритъ своей Психеѣ, — ибо если не глазами, то руками и ушами она все-же его чувствовала: «Психея, сладчайшая и дорогая супруга, ожесточающаяся Фортуна грозитъ тебѣ гибельной опасностью и, думаю я, тебѣ слѣдуетъ соблюдать большую осторожность. Твои сестры, смущенныя слухомъ о твоей смерти и разыскивая твой слѣдъ, придутъ скоро къ этому утесу, и если ты услышишь случайно ихъ причитанія, не отвѣчай имъ, а лучше всего совсѣмъ не смотри на нихъ. Иначе ты причинишь мнѣ поистинѣ тяжчайшее горе, а себѣ, — знай это, — вѣрную гибель».

Психея соглашается и обѣщаетъ подчиниться волѣ супруга. Но лишь только онъ вмѣстѣ съ ночью удалился, бѣдняжка проводитъ весь день въ слезахъ и стенаньяхъ, повторяя, что она теперь и впрямь навѣки пропащая; что, затворница этой блаженной темницы, лишенная бесѣды и общенія съ людьми, она не можетъ даже сокрушающимся по ней сестрамъ своимъ принести утѣшеніе или хотя-бы только увидать ихъ. Не подкрѣпившись ни омовеньемъ, ни пищею, ни даже какимъ-либо отдыхомъ, она, горько плача, отходитъ ко сну. И тотчасъ, много раньше обыкновеннаго, возлегаетъ на ложе супругъ и, обнявъ Психею, все еще плачущую, такъ сталъ выговаривать ей:

«Это-ли ты мнѣ обѣщала, моя Психея? Чего-же мнѣ, твоему супругу, ждать теперь отъ тебя? На что надѣяться? Ни днемъ, ни ночью, ни даже въ объятіяхъ супруга не переставь ты кручиниться. Ну, дѣлай теперь, какъ хочешь и повинуйся требованію своей безразсудной души! Только вспомнишь ты, насколько основательно было мое предостереженіе, но вспомнишь, когда поздно будетъ раскаиваться!»

Тутъ Психея просьбами и угрозами, что она иначе умретъ, добивается отъ супруга согласія на ея желанія: увидать сестеръ, утѣшить ихъ въ печали и облобызать. И онъ, смягчившись, уступаетъ мольбамъ новобрачной и, сверхъ того, позволяетъ ей одарить сестеръ золотомъ или украшеньями, какими только она ни пожелаетъ. Но онъ не разъ напоминаетъ ей и непрестанно запугиваетъ, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не слушала пагубныхъ навѣтовъ сестеръ и не старалась узнать о наружности своего супруга, чтобы святотатственнымъ любопытствомъ не низвергнуть себя съ такой высоты счастья, — вѣдь послѣ этого она не коснется его объятій. Она благодаритъ супруга и уже съ повеселѣвшею душою говоритъ: «Но я скорѣе сто разъ умру, чѣмъ лишусь твоего сладчайшаго общенія! Вѣдь я люблю тебя страстно, кто-бъ ты ни былъ, люблю тебя какъ свое дыханіе и не сравню съ тобою и самого Купидона. Но, все-таки, умоляю тебя, уступи моимъ просьбамъ: прикажи твоему рабу Зефиру, чтобы онъ, какъ и меня, поднять моихъ сестеръ и поставилъ ихъ здѣсь предо мною». И, прильнувъ вкрадчивымъ поцѣлуемъ, осыпая ласковыми словами, она прижимается къ нему всѣмъ тѣломъ и среди ласкъ своихъ говоритъ такія слова: «Мой

медовый, супругъ мой, Психея твоей сладкая душа».

Противъ воли покоряется супругъ силѣ и могуществу Венериныхъ навѣтовъ, обѣщая, что онъ все исполнитъ, и уже передъ самымъ разсвѣтомъ исчезаетъ изъ рукъ супруга.

А сестры, разузнавъ объ утесѣ и о томъ мѣстѣ, гдѣ была покинута Психея, поспѣшно приходятъ туда и начинаютъ проливать слезы и бить себя въ перси, — и на ихъ неугомонные вопли даже скалы и утесы вторятъ отвѣтнымъ эхомъ. Вотъ онѣ стали окликать несчастную сестру ея именемъ, и Психея, внѣ себя отъ пронзительнаго крика ихъ стенающихъ голосовъ, доносящихся по склонамъ, трепетная, выбѣгаетъ изъ дворца и говоритъ: «Зачѣмъ напрасно разстраиваете себя жалобными рыданьями? Я здѣсь — та, которую вы оплакиваете. Оставьте же печальные возгласы и осушите, наконецъ, влажныя отъ долгихъ слезъ ланиты, потому что вы уже можете обнять ту, которую оплакиваете».

И тутъ, призвавъ Зефира, она напоминаетъ ему о приказаніи своего супруга. Безъ замедленія повинувшись этому приказанію, онъ сейчасъ-же легчайшимъ дуновеньемъ переноситъ ихъ невредимыми и опускаетъ на землю. И вотъ онѣ наслаждаются уже взаимными объятіями и торопливыми лобзаньями, и оставившіяся было слезы снова потекли, исторгнутыя радостью. «Войдите-же, — говоритъ Психея, — съ радостью подъ кровъ и лары наши и съ Психеей своей успокойте опечаленныя души».

И съ этими словами она являетъ ихъ зрѣнію и слуху величайшія сокровища золотого дворца и многочисленный сонмъ прислуживающихъ ей голосовъ, и радушно подкрѣпляетъ ихъ прекраснѣйшимъ омовеньемъ и великолѣпнѣйшимъ не-

бывалога у людей стола, такъ что, пресыщенныя изобильными дарами тѣхъ поистинѣ небесныхъ богатствъ, онѣ уже стали питать зависть въ глубинѣ сердець своихъ. И наконецъ одна изъ нихъ довольно подробно и старательно начинаетъ допытываться, кто-же такой владыка всѣхъ этихъ небесныхъ вещей, кто и каковъ собою ея супругъ? Однако Психея не нарушаетъ супружескаго приказанія и ни однимъ словомъ не выдаетъ тайны, сокрытой у нея въ душѣ, а о всемъ, что они видѣли, придумываетъ, что онъ какой-то юноша, красивый, съ едва отгнѣнными пушкомъ бороды ланитами; что онъ занятъ, по большей части, охотою въ поляхъ и на горахъ. И чтобы какъ-нибудь среди дальнѣйшаго разговора не выдать того, о чемъ надо молчать, она одѣляетъ изъ золотыми вещами и украшениями изъ драгоценныхъ камней и сейчасъ-же, призвавъ Зефира, поручаетъ ему отнести сестеръ обратно.

А почтенныя сестры вслѣдъ за тѣмъ возвращаются домой, исполненныя желчью возгорѣвшейся зависти, и неумолчно сѣтуютъ другъ съ другомъ и, наконецъ, одна изъ нихъ говорить:

«Какъ слѣпа, жестока и несправедлива Фортуна! Неужели тебѣ по душѣ, чтобы мы, рожденныя однимъ и тѣмъ-же отцомъ, выносили различный жребій? Мы, еще и старшія по рожденію, мы отданы въ служанки иноземцамъ мужьямъ и проводимъ свой вѣкъ, разлученныя съ самою отчизною и съ ларами, и, словно изгнанницы, живемъ вдали отъ родителей, а та — самая младшая, исторгнутая, какъ послѣдній плодъ истомленной утробы, — та обладаетъ величайшими сокровищами и богомъ-супругомъ, и не умѣетъ даже какъ слѣдуетъ воспользоваться такимъ обиліемъ благъ! Ты видѣла, се-

стра, какое множество прекрасныхъ украшеній лежитъ во дворцѣ, какія одежды блещутъ тамъ, какіе сверкаютъ драгоценные камни и сколько золота повсюду попирается ногами! Что-же, если она еще обладаетъ такимъ прекраснымъ, какъ она говоритъ, супругомъ, то теперь вѣдь и во всемъ мірѣ нѣтъ никого счастливѣе ея. Возможно, что когда со временемъ возникнетъ и укрѣпится привычка и любовь, ея божественный супругъ сдѣлаетъ и ее также богинею. Клянусь Геркулесомъ, что такъ! Такъ она ведетъ себя и такъ держится! Уже ввысь взираетъ женщина и дышитъ, какъ богиня, имѣя прислужницами голоса и повелѣвая самими вѣтрами. А я, жалкая, награждена судьбою мужемъ, который, во-первыхъ, старше отца моего, во-вторыхъ, плѣшивѣе тыквы и такой мальшгъ — меньше любого мальчика; онъ стережетъ весь домъ, и безъ того запертый засовами и цѣпями».

А другая подхватываетъ: «А я вотъ должна терпѣть супруга, который сведенъ ревматизмомъ и согбенъ. Онъ весьма рѣдко поэтому можетъ удовлетворять моею любви, а я, по большей части, только растираю вотъ этими столь нѣжными руками его цѣпенѣющіе пальцы вонючими спеціями, грязными бинтами и зловонными припарками, являя видъ вовсе не заботливой супруги, а истомленной лѣкарки. И ты, сестра, смотри, — ты, можетъ быть, будешь переносить съ терпѣливою, или лучше, рабскою душою, — вѣдь я говорю откровенно, что думаю, — но я, конечно, дольше не могу выносить столь счастливо сложившейся судьбы недостойной. Вспомни-ка, какъ гордо и какъ надменно держала она себя съ нами и какъ своимъ неумѣреннымъ хвастовствомъ обнаружила свою спѣсивую душу, изъ такихъ богатствъ неохотно

бросивъ намъ какіе-то пустяки, и какъ, тяготясь нашимъ присутствіемъ, поспѣшила отдать приказаніе прогнать насъ и выдуть вонъ со свистомъ. Но не будь я женщина, не дыши я совѣмъ, если я не сброшу ее внизъ съ высоты такого величія. И если тебя также, какъ это и подобаетъ, возмущаетъ нанесенное намъ оскорбленіе, то мы вдвоемъ подыщемъ надежное рѣшеніе. А того, что мы несемъ, ни родителямъ нашимъ и никому другому мы не покажемъ, сказавъ просто, что мы совѣмъ ничего не знаемъ о ея благополучіи. Достаточно того, что мы сами видѣли. Намъ слѣдуетъ раскаиваться, а ужъ никакъ не разглашать среди родителей и всего народа о ея благодѣствіи. И вѣдь не тѣ счастливы, о богатствѣ которыхъ никто не вѣдаетъ. Узнаетъ она, что не служанки мы ей, а старшія сестры. А теперь покамѣстъ отправимся къ нашимъ бѣднымъ, но благоразумно умѣреннымъ мужьямъ и ларамъ, поразмыслимъ еще и, заручившись болѣе опредѣленнымъ рѣшеніемъ, возвратимся съ вѣрнымъ расчетомъ наказатъ спѣсвицу».

Это злое рѣшеніе обѣимъ злодѣйкамъ пришлось по душѣ и онѣ, спрятавъ драгоценные подарки сестры, стали рвать волосы, царапать, какъ въ глубокой скорби, лица и снова начали свой притворный плачь. И вотъ такимъ способомъ неожиданно смутивши родителей, онѣ растравляютъ ихъ скорбь и, исполненные сумасбродныхъ желаній, спѣшатъ къ себѣ домой, строя преступныя козни, или, лучше, настоящее преступленіе противъ невинной сестры.

Между тѣмъ супругъ Психеи, котораго она не знала, снова въ своихъ почныхъ бесѣдахъ такъ напоминаетъ ей: «Развѣ ты не видишь, какою опасностью издалека грозитъ тебѣ Фортуна? И если ты не примешь надежной предосторожности,

она вдругъ и немедленно сдѣлаетъ нападеніе. Коварныя волчицы, съ большими приготовлениями, строятъ противъ тебя преступныя козни, самая большая изъ которыхъ — убѣдить тебя, чтобы ты увидала мою внѣшность, которую ты, какъ я тебя часто предупреждалъ, никогда не увидишь болѣе, увидавъ однажды. И вотъ поэтому, если впредь придутъ тѣ негоднѣйшія колдуньи, вооруженныя преступными замыслами, — а онѣ, я знаю, придутъ, — не затѣвай совѣмъ разговора съ ними, а если ужъ не сможешь выдержать этого по врожденной тебѣ простотѣ и по мягкости твоей души, то, по крайней мѣрѣ, о супругѣ своемъ ты не слушай и не отвѣчай ничего. Вотъ мы скоро расширимъ свою семью и эта твоя до сихъ поръ дѣвственная утроба принесетъ намъ дитя, божественное, если ты сокроешь нашу тайну въ молчаніи, или смертное, если ты нарушишь ее».

Обрадованная этимъ извѣстіемъ, Психея расцвѣла и захлопала въ ладоши при мысли о божественномъ отпрыскѣ; восхищенная, она прославляетъ будущій залогъ любви и радуется, что она оказалась достойной имени матери. Она уже считаетъ проходящіе дни и прошедшіе мѣсяцы и удивляется съ перваго движенія невѣдомаго плода такому приращеньицу обогащеннаго чрева въ столь короткій промежутокъ времени.

А тѣ язвы, тѣ отвратительныя фуріи, источая змѣиный ядъ, спѣшатъ уже съ нечестивой быстротой, плывутъ на корабляхъ. И тутъ ея такъ ненадолго приходящій къ ней супругъ снова напоминаетъ своей Психеѣ: «Послѣдній день и самый рѣшительный натискъ. Вотъ уже нечестивый родъ и враждебная кровь подняли оружіе и двинули лагерь, растягивая боевой

строй, и уже прозвучалъ сигналъ. Уже съ обнаженными лезвiемъ подступаютъ нечестивыя сестры къ твоему горлу. Увы, сладчайшая Психея, сколько бѣдъ тѣснятъ насъ! Пожалѣй ты себя и насъ, и осторожностью и воздержанiемъ избавь домъ, супруга, себя и нашего малютку отъ бѣдъ предстоящей напасти. Не смотри ты на тѣхъ преступныхъ женщинъ, которыхъ тебѣ не пристало называть даже сестрами послѣ ихъ убiйственной ненависти и попрагнаго союза крови, и не слушай ты ихъ, когда онѣ, подобно Сиренамъ, высунувшись съ утесовъ, будутъ оглашать скалы предвѣщающими смерть голосами».

Слезно всхлипывая и путаясь въ словахъ, отвѣчаетъ ему Психея: «Уже давно, это я знаю, ты получилъ точныя доказательства моей вѣрности и воздержности въ разговорахъ, но, тѣмъ не менѣе, для тебя и теперь еще разъ доказана будетъ твердость моей души. Ты только прикажи опять нашему Зефиру слѣдовать твоему порученiю и, взамѣнъ священнаго запрета видѣть твой ликъ, по крайней мѣрѣ возврати мнѣ лицезрѣнiе моихъ сестеръ. Ради этихъ пахнущихъ корицей и отовсюду свѣшчивающихся волосъ твоихъ, ради нѣжныхъ и округлыхъ, моимъ подобныхъ, ланитъ твоихъ, ради груди, разгоряченной невѣдомымъ для меня пламенемъ, — впервые въ нашемъ малюткѣ я узнаю твой образъ, — ты, уступивъ набожнымъ мольбамъ смиренной просительницы, дай мнѣ наслаждаться объятiями съ моими родными и обнови радостью душу преданной тебѣ Психеи. И я никогда больше не стану пытаться увидѣть твой образъ, и мнѣ уже не будутъ ненавистны ночныя потемки: вѣдь ты — свѣтъ мой».

Очарованный этими словами и нѣжными объятiями ея, супругъ осушаетъ своими волосами

ея слезы, даетъ обѣщанiе исполнить все и сейчасъ-же исчезаетъ, предупреждая свѣтъ рождающагося дня.

Обѣ сестры, связанные между собою злымъ умысломъ, не повидавшись даже съ родителями, прямо съ кораблей спѣшатъ къ тому утесу, и, съ большой торопливостью, не дожидаясь появления вѣтра, который носилъ ихъ, со своейвольной безразсудностью прыгаютъ въ бездну. Но не забывающiй царственнаго приказанiя Зефиръ, хотя и противъ своего желанiя, подхватываетъ ихъ на лоно дующаго вѣтерка и ставитъ на землю. А тѣ, не теряя времени, тотчасъ-же по хорошо протореннымъ слѣдамъ войти въ дворецъ и, обнявъ свою жертву, прикрываясь вѣроломнымъ именемъ сестеръ, съ радостными лицами, но питая въ глубинѣ бездну сокрытаго обмана, такъ начинаютъ лыстать ей:

«Итакъ, Психея, ты, еще не такъ давно дѣвочка, теперь уже сама — мать! Сколько добраго, какъ ты думаешь, носишь ты для насъ въ этомъ вмѣстилищѣ? Какими ликованiями ты возвеселишь весь домъ нашъ! О, какъ мы счастливы, насъ будетъ радовать первое воспитанiе золотого малютки! Если онъ, какъ это и должно быть, по красотѣ будетъ подобенъ родителямъ, то поистинѣ родится Купидонъ!»

Такъ поддѣльною сердечностью постепенно овладѣваютъ онѣ душою сестры, а та сейчасъ-же освѣжаетъ ихъ отъ усталости и сажаетъ на кресла и, приготовивъ имъ теплыя омовенья въ банѣ, услаждаетъ прекраснѣйшимъ триклинiемъ и дивными и блаженными свѣдьями и кушаньями. Она приказываетъ играть на киворѣ — и кивора заиграла, играть на флейтѣ — заиграла и флейта, пѣтъ хору — и хоръ запѣлъ. И все это сладчайшими мелодiями нѣжило душу слушающихъ, тогда какъ

никого не было видно. Однако-же злые замыслы преступныхъ женщинъ не смягчились и не успокоились даже отъ медовой сладости пѣнья и онѣ, сведя разговоръ къ задуманнымъ сѣтямъ лжи, незамѣтно начинаютъ вывѣдывать, каковъ у нея супругъ, откуда онъ родомъ и изъ какой общины онъ вышелъ. А та тутъ-же, отъ избытка прямоты, позабывъ о прежнемъ разговорѣ, строить новую выдумку и говорить, что ея супругъ изъ ближайшей провинціи, онъ торговецъ съ большими деньгами, ужъ среднихъ лѣтъ, съ кое-гдѣ пробивающейся сѣдиною. И закончивъ этимъ свой разговоръ съ ними, она надѣляется ихъ богатыми подарками и возвращаетъ на вѣтрѣ-колесницѣ.

Онѣ-же, возвращаясь домой, несомыя спокойнымъ дыханіемъ Зефира, ведутъ между собой такія рѣчи: «Что сказать намъ, сестра, о столь чудовищной лжи этой дурочки? Тогда — юноша съ едва пробивающимся цвѣтушимъ пушкомъ бороды, теперь онъ — среднихъ лѣтъ и у него просвѣчиваетъ серебряная сѣдина. Кто-же онъ, если такой малый промежуткомъ времени преобразилъ его вдругъ въ старика? Ничего другого, сестра моя, не придумаешь, какъ только что или эта прескверная женщина измышляетъ ложь, или-же она не знаетъ вѣрности своего супруга. Что-бы изъ двухъ не было правильно, нужно какъ можно скорѣе изгнать ее за предѣлы окружающей ее роскоши. Потому что, если она не знаетъ наружности своего супруга, она навѣрно супруга бога и чреватостью своею сулитъ намъ бога. Ну, конечно, если она будетъ названа матерью божественнаго ребенка, чего да не будетъ! — я сейчасъ-же скручу петлю и повѣшусь на ней. А покуда возвратимся къ нашимъ родителямъ и выдумаемъ, какъ-бы похитрѣе и получше продолжать наши разспросы».

Такъ возгорѣвшись, кое-какъ, холодно поговоривъ со своими родителями и проведя безъ сна тревожную ночь, негодницы рано поутру прилетаютъ къ утесу и оттуда, при обычной помощи вѣтра, поспѣшно слетаютъ внизъ и, выдавивъ изъ вѣкъ слезы, съ такою хитростью обращаютъ рѣчь къ юной сестрѣ: «Хотя ты, въ своемъ счастьи и благополучи, и не вѣдаешь сама предстоящаго зла, хотя ты сидишь и не безпокоишься о грозящей тебѣ опасности, но за то мы, стоя на стражѣ, блюдемъ твой дѣла съ неусыпными заботами и жалостливо сокрушаемся о твоихъ бѣдствіяхъ. Вѣдь мы узнали за достовѣрное и не можемъ утаить отъ тебя, раздѣляя, конечно, твою скорбь и твою несчастливую участь, что лютый змѣй, пресмыкающийся и извивающийся въ нѣскольکو колець, источающій изъ глотки вредоносный ядъ, зіяющій бездонною пастью, тайно спитъ съ тобою по ночамъ. Вспомни теперь Пивійское прорицаніе, которое предрекло, что ты предана значена къ браку съ дикимъ звѣремъ. И многіе изъ окрестныхъ поселенъ, охотясь, и очень многіе изъ сосѣднихъ жителей видѣли его, когда онъ возвращается вечеромъ съ пастьбы и переправляется вбродъ черезъ ближнюю рѣку. И всѣ подтвердятъ, что не долго онъ, съ ласковою угодливостью, будетъ кормить тебя яствами, но лишь только полная утроба твоя дастъ созрѣть живущему въ тебѣ плоду, онъ поглотитъ тебя вмѣстѣ съ твоимъ тучнымъ плодомъ. И тутъ уже твое дѣло рѣшить: или ты захочешь согласиться съ сестрами, заботящимися о твоёмъ дорогомъ спокойствіи и, избѣгнувъ смерти, жить беззаботно съ нами внѣ опасности, — или быть похороненной въ утробѣ свирѣпѣйшаго звѣря. Если-же тебя манятъ уединеніе этого поющаго помѣстья, или зловонныя и опасныя объятія

тайной страсти и сожитіе съ ядовитымъ пресмыкающимся, то мы, любящія сестры твои, во всякомъ случаѣ, сдѣлали свое».

Тутъ бѣдняжка Психея, и безъ того простодушная и нѣжная душою, охвачена страхомъ отъ этихъ печальныхъ словъ; выведенная за предѣлы своего разумнія, она совершенно упускаетъ изъ памяти всѣ завѣты супруга и свои обѣщанія. Она низвергается въ бездну бѣдствій и, трепеща, съ безкровнымъ блѣдно-желтымъ лицомъ, задыхаясь и путаясь, прерывающимся голосомъ говоритъ имъ такъ: «Воистину, дражайшія сестры, вы, что и естественно, остались твердыми въ долгѣ вашей любви. Правда, и тѣ, кто говорилъ вамъ такое, мнѣ кажется, не выдумали ложнаго. Я вѣдь никогда не видала облика моего мужа, даже совсѣмъ и не знаю, откуда онъ родомъ, и только внимаю голосу въ ночи и остаюсь съ супругомъ — неизвѣстнымъ существомъ, которое совсѣмъ избѣгаетъ свѣта. И вмѣстѣ съ вами — а ваши слова справедливы — я думаю, что и впрямь я остаюсь съ какимъ-то звѣремъ, потому что онъ постоянно и настойчиво запугиваетъ меня, чтобы я не старалась увидѣть его, и грозилъ впредь за любопытство увидать его обликъ великимъ зломъ. Теперь, если вы сможете предложить вашей сестрѣ, находящейся въ опасности, какое-нибудь полезное средство, предложите его сейчасъ-же».

А то вѣдь, если не послѣдовать внушенію первой предусмотрительности, уничтожишь и самую услугу».

Тутъ преступныя женщины, оставивъ убѣжища и прикрытія осадныхъ машинъ, достигаютъ уже открытыхъ вратъ разверстой души сестры и, обнаживъ мечи обмана, нападаютъ на трепетныя мысли простодушной дѣвушки. И вотъ одна изъ нихъ говоритъ: «Такъ какъ

язы кровнаго родства заставляютъ насъ ради твоего спокойствія не отступать ни передъ какою опасностью, то мы укажемъ тебѣ путь, долго и долго нами продуманный, который одинъ только ведетъ ко спасенію. Спрячь тайкомъ въ постель, въ той сторонѣ, гдѣ ты обычно лежишь, острый-преострый кинжалъ, отточенный такъ, чтобы къ нему едва можно было прикоснуться рукою, и поставь куда-нибудь подъ небольшимъ горшкомъ исправный свѣтильникъ, наполненный масломъ и горящій чистымъ пламенемъ. Всѣ эти приготовления ты дѣлай въ строгой тайнѣ и, постѣ того какъ онъ, медленно подползая и извиваясь, взберется на ложе и по обыкновенію уже вытянется, когда имъ начнетъ овладѣвать дремота и онъ станетъ храпѣть въ глубокомъ снѣ, ты соскользни тогда съ ложа и, ступая босыми ногами, тихо и безшумно освободи отъ прикрытія потаеннаго мрака свѣтильникъ и съ помощью его свѣта воспользуйся удобнымъ моментомъ для твоего преславнаго подвига. Поднявъ сначала въ правой рукѣ повыше свое обоюдоострое оружіе, ты смѣлымъ ударомъ изо всей силы отдѣли соединенье шеи и головы вреднаго пресмыкающагося. А съ нашей стороны не медля явится тебѣ помощь: какъ только смертью его ты купишь себѣ спасеніе, мы, дожидаясь тебя въ безпокойствѣ, поскорѣе унесемъ тебя и всѣ эти богатства и соединимъ тебя желаннымъ бракомъ съ человекомъ».

И такимъ пламенемъ зажегши душу уже совсѣмъ пылавшей сестры, онъ, боясь только за себя и избѣгая участія въ такомъ преступленіи, сейчасъ-же оставляютъ ее и, увлекаемые обычнымъ теченьемъ поддерживающаго ихъ вѣтерка, переносятся чрезъ утесы, проворно, бѣгомъ, устремляются впередъ, мигомъ всходить на корабли и уѣзжаютъ.

А Психея, оставшись одна, — если только одинока та, кого преслѣдуютъ враждебныя фуріи, — волнуется душою, сѣтуетъ точно море въ прибой и, хоть она теперь приняла рѣшеніе и стала вновь тверда духомъ, однако, уже поднявъ руку на преступленіе, — колеблется въ своемъ намѣреніи и ее все еще беретъ раздумье надъ исходомъ ея горестной судьбы. Она то спѣшитъ, то откладываетъ; рѣшается — и трепещетъ; не довѣряетъ — и гнѣвается. И — что совсѣмъ уже крайность, — въ одномъ и томъ-же существѣ ненавидитъ звѣря и обожаетъ супруга. Но вотъ уже вечеромъ, влекущимъ за собою ночь, она съ нетерпѣливою поспѣшностью готовится къ безбожному преступленію.

Настала ночь, и явилось супругъ. Сначала онъ вступилъ въ Венерино сраженіе, а потомъ погрузился въ глубокой сонъ.

Тогда Психея, уже совсѣмъ слабая тѣломъ и духомъ, укрѣпляется однако жестокостью и, поднявъ свѣтильникъ, схватываетъ кинжалъ, и мужествомъ мѣняетъ свой полъ. Но лишь только появившійся свѣтъ озарилъ тайны ложа, она видитъ самаго ручного и сладостнаго изъ всѣхъ дикихъ звѣрей — самого Купидона, прекраснаго бога, который прелестно покоился и при видѣ котораго ярче загорѣлось даже повеселѣвшее пламя свѣтильника и сильнѣе заблесталъ кинжалъ своимъ святотатственнымъ лезвиемъ.

Тутъ, перепуганная представшимъ ей зрѣлищемъ, не въ силахъ совладать съ своею душою, Психея мѣняется въ лицѣ и безжизненно блѣднѣетъ. Трепеща, съ дрожащими поджилками, она старается схоронить желѣзо, но уже въ собственной груди, что и сдѣлала-бы дѣйствительно, если-бы желѣзо изъ страха предъ та-

кимъ преступнымъ дѣяніемъ не выскользнула и не выпало изъ безразсудныхъ рукъ. Уже истомленная, ослабѣвшая, она все чаще и чаще взираетъ на красу божественнаго облика и снова возгорается у нея душа. Видитъ она на златокудрой его головѣ, опьяненной амброзіей, божественные волосы, видить молочно-бѣлую шею и пурпурныя ланиты и вьющіяся, красиво перепутанныя, свисающія спереди и сзади кудри, отъ чрезмѣрнаго блеска которыхъ заколебалось даже самое пламя свѣтильника. За плечами крылатаго бога блѣбли, переливаясь цвѣтами, перья, покрытыя росою и, хотя крылья были въ покоѣ, на самомъ краю ихъ безпокойно рѣзвился, дрожа и трепеща, нѣжный и мягкій пушокъ. Обнаженное тѣло его было прекрасно, и не раскаивалась Венера въ томъ, что родила его. У переднихъ ножекъ ложа покоились лукъ, колчанъ и стрѣлы — благое оружіе великаго бога. Разсматривая его и съ ненасытной душой удовлетворяя своему любопытству, Психея трогаетъ его рукою и дивится вооруженію своего супруга; вынимаетъ одну стрѣлу изъ колчана и кончикомъ пальца пробуетъ самое остріе и тутъ, все еще дрожа всѣмъ тѣломъ, придавила больше и укололась сильнѣе, такъ что сквозь верхнюю кожу выступили капельки розовой крови. Такъ Психея, сама того не вѣдая, но по собственной волѣ, приобщается любви къ Амуру. Тутъ она все болѣе и болѣе пламенѣетъ страстью къ Купидону; она близко склоняется надъ нимъ и, раскрывъ уста, откровенными и сладострастными поцѣлуями покрываетъ его, боясь нарушить его сонъ.

Но пока она, возбужденная его красотою, волновалась уязвленной душою, свѣтильникъ по предательскому вѣроломству, или изъ преступной зависти, или-же желая коснуться божествен-

наго тѣла и какъ-бы поцѣловать его, и самъ виѣ себя отъ радости низвергнулъ съ высоты своего сянiя каплю горячаго масла на правое плечо бога. О, дерзкій и безразсудный свѣтильникъ, презрѣнный пособникъ любви, ты сжегъ огнемъ самого бога! Тебя навѣрно избобрѣлъ впервые какой-нибудь любовникъ, чтобы подольше и ночью обладать предметомъ своихъ желанiй.

Обоженный такъ богъ вскакиваетъ и, видя, что вѣрность вѣроломно нарушена, тотчасъ-же, молча, улетаетъ отъ поцѣлуевъ и объятiй несчастнѣйшей супруги. А Психея поспѣшно ухватилась обѣими руками за его правую голень, когда онъ уже поднимался, но, жалкая помѣха вышнему полету, отсталая сопутница парячаго по заоблачнымъ предѣламъ, наконецъ устааетъ она и падаетъ на землю.

И богъ-любовникъ не оставилъ ее, лежащую на землѣ: взлетѣвъ на ближайшiй кипарисъ, онъ съ высоты его, тяжело разгнѣванный, такъ обращается къ ней: «Вотъ, простодушнѣйшая Психея, я, позабывши наставленiя моей родительницы, Венеры, которая приказала отдать тебя, привязавъ самою низкою страстью, отдать замужъ самому жалкому и послѣднему человѣку, — я предпочелъ самъ, какъ любовникъ, прилетать къ тебѣ. Но я поступилъ легкомысленно, знаю, и, преславный стрѣлокъ, самъ ранилъ себя своимъ оружиемъ и сдѣлалъ тебя своею супругою, — для того-ли, чтобы ты приняла меня за звѣря и отрубила желѣзомъ мою голову, которая носитъ эти влюбленные въ тебя глаза! Много разъ предостерегалъ я тебя, такъ ласково убѣждалъ. Впрочемъ, и прекрасныя совѣтчицы твои въ столь зловредномъ замыслѣ немедленно понесутъ кару; тебя-же я накажу только тѣмъ, что удалось отъ тебя». Съ этими словами онъ на крыльяхъ устремляется ввысь.

А Психея, распростертая на землѣ, насколько могла видѣть, слѣдила за полетомъ супруга и надрывала душу самыми жалобными причитанiями. А когда разстоянiе и высота отдалили отъ нея супруга, уносившагося взмахами крыльевъ, она бросается съ края обрыва въ ближайшую рѣку. Но ласковая рѣка, разумѣется, въ угоду богу, который привыкъ воспламенять и воды, сейчасъ-же, боясь за самое себя, прибоємъ выноситъ ее невредимую на цвѣтущiй берегъ.

Случайно около высокаго берега рѣки сидѣлъ Панъ, сельскiй богъ, обнявшiйся съ Эхо, горной богиней, которую онъ училъ извлекать всевозможные звуки. Близъ берега, бродя съ мѣста на мѣсто, паслись и рѣзвились козочки и щипали прибрежную мураву. Козлоподобный богъ милостиво подозвалъ къ себѣ огорченную и обезсилѣвшую Психею и, какъ-бы не вѣдая о ея злочлоченьяхъ, начинаетъ успокаивать ее мягкими словами: «Разумная дѣвушка, хоть я и деревенщина, и пастухъ, но, по милости своего долгодѣтя, я умудренъ долгимъ опытомъ, такъ что если я правильно догадываюсь о томъ, что разумнымъ мужамъ служить вѣрнымъ знаменованiемъ, то по этимъ колеблющимся и все болѣе неувереннымъ шагамъ, по чрезвычайной блѣдности тѣла и неустаннымъ воздыханiямъ, да и по самымъ омраченнымъ печалью глазамъ твоимъ я вижу, ты томишься отъ чрезмѣрной любви. Итакъ, послушайся меня, и не губи себя снова, бросившись съ кручи, или какою-нибудь другой насильственной смертью. Перестань сѣтовать и забудь о своемъ горѣ, а лучше почти ты мольбами Купидона, величайшаго изъ боговъ, и приобрѣти расположенiе избалованнаго и изнѣженнаго юноши своимъ угодливымъ послушанiемъ».

Не отвѣтивъ ничего на эти слова бога-па-

стуха, а только почтивъ его наклоненіемъ головы, Психея пустилась въ путь. И вотъ, когда она прошла уже не малую дорогу, натрудивъ ноги и не вѣдая пути, съ закатомъ дня приходитъ она въ какое-то государство, въ которомъ править супругъ одной изъ ея сестеръ. Узнавъ объ этомъ, Психея выразила желаніе, чтобы сестру извѣстили о ея прибытіи, и тотчасъ-же была проведена къ ней. Насытившись взаимными объятіями и привѣтствіями, она, на вопросъ о причинахъ ея прихода, говоритъ: «Вспомни совѣтъ вашъ, когда вы убѣждали меня убитъ обоюдоострымъ кинжаломъ, какъ звѣря, того, кто подъ именемъ супруга моего почивалъ со мною, прежде чѣмъ онъ пожретъ меня, бѣдняжку, своею ненасытною пастью. Но лишь только, какъ это было рѣшено, я взглянула вмѣстѣ съ моимъ соучастникомъ-свѣтомъ на его лицо, я вдругъ вижу чудное и поистинѣ божественное зрѣлище—самого сына богини Венеры, самого, говорю я, Купидона, спавшаго безмятежнымъ сномъ! И пока я, смущенная столь прелестнымъ зрѣлищемъ, волнуемая чрезмѣрнымъ приливомъ страсти, страдала отъ жажды объятій, горѣвшая свѣтильня, какъ-бы по злостейшей случайности, уронила масло на его плечо. Тотчасъ отъ этой боли проснулся онъ и вскочилъ. И тутъ, увидѣвъ меня съ желѣзомъ и огнемъ въ рукахъ, онъ сказалъ: «Удались тотчасъ-же съ ложа моего за столь ужасное злодѣяніе и пусть это будетъ тебѣ наказаніемъ, а я соединюсь бракомъ съ твоею сестрою»,—и онъ назвалъ имя, которое носишь ты. И тотчасъ крикнулъ Зефиру, чтобъ онъ вынесъ меня за предѣлы дворца».

Еще не окончила Психея своей рѣчи, какъ сестра ея, побуждаемая муками сумасбродной страсти и пагубной зависти, обманываетъ мужа

относительно задуманнаго дѣла, сказавъ, что она будто-бы получила какое-то извѣстіе о смерти родителей, тотчасъ-же садится на корабль и, довѣрясь слѣпой надеждѣ, хоть и дулъ не попутный вѣтеръ, держитъ путь прямо къ тому утесу. И со словами: «Прими меня, Купидонъ, достойную тебя супругу; и ты, Зефиръ, поддержи свою госпожу»,—прижкомъ бросается съ величайшей крутизны. И даже мертвою она не достигла желаннаго мѣста. Она погибла, и члены ея, сброшенные на камни скалъ, были разсыяны, а внутренности ея—что она и заслужила—стали пищею рыскающаго звѣря и были растерзаны пернатыми.

Не замедлило возмездіе и другой виновницѣ. Вновь проблуждавъ и пространствовавъ, Психея приходитъ, наконецъ, въ другое государство, въ которомъ жила ея другая сестра. И эта, также введенная въ обманъ родной сестрою, завистница преступнаго сестринаго брака, спѣшитъ также къ утесу, низвергается внизъ и находитъ смерть съ такимъ-же исходомъ.

Между тѣмъ, пока Психея, занятая розыскомъ Купидона, обходила народы, тотъ—больной отъ раны, нанесенной свѣтильникомъ—лежалъ въ самой опочивальнѣ своей матери и вздыхалъ. Тогда чайка, бѣлая-бѣлая птица, которая плаваетъ на крыльяхъ по поверхности морскихъ волнъ, поспѣшно спускается на глубокое лоно океана. Тамъ, прямо подѣвши къ омывающейся и купающейся Венерѣ, она сообщаетъ, что сынъ Венеры обожженъ, терзается въ тяжкихъ боляхъ отъ раны и лежитъ, не чая себѣ выздоровленія, а изъ устъ всѣхъ народовъ она будто-бы слышала дурную молву и различные поношенія о всей семьѣ Венеры; что «тотъ-де ради блуда въ горахъ, а ты ради купанья въ морѣ оба сокрылись и, вслѣдствіе

этого нѣтъ болѣе никакого наслажденія, никакой утѣхи и сладости, а все въ безпорядочности, одичаніи и охлажденіи; нѣтъ ни браковъ супружескихъ, ни общественнаго единенія, ни привязанности къ дѣтямъ, а только безграничное скопище нечистотъ и отвратительное погрязаніе въ нечистыхъ связяхъ.

Все это насплетничала болтливая и достаточно любопытная птица на ухо Венерѣ, оглашая молву о ея сынѣ. И сильно разгнѣванная Венера вдругъ вскричала: «Итакъ, прекрасный мой сынъ имѣетъ уже какую-то любовницу! Ну-ка, скажи, ты вѣдь одна служивъ мнѣ съ любовью, имя той, которая соблазнила нѣжнаго и безбородаго отрока: она изъ племени Нимфъ, или изъ числа Горъ, или изъ хора Музъ, или-же изъ сонма моихъ Грацій?»

И та болтливая птица не промолчала, а сказала: «Не знаю я, владычица; думаю, что онъ влюбленъ въ дѣвушку, которая, если правильно припоминаю, по имени называется Психеей».

Тутъ негодующая Венера воскликнула еще громче: «Если вправду любить онъ ту Психею, которая раздѣляетъ мою красоту и тягается съ моимъ именемъ, то, конечно, онъ считаетъ покровительницей будущаго ея отпрыска меня, по чьему указанію онъ позналъ эту дѣвушку».

Такъ восклицая, она торопливо подымается съ моря и направляется прямо въ свою золотую опочивальню и, найдя все, какъ слышала, увидѣвъ большого отрока, уже отъ дверей стала громко и грозно кричать на него: «Прилично-ли это нашей чести и нашему дому, согласно-ли это съ твоимъ высокимъ воспитаніемъ, что ты прежде всего осмѣляешь предписанія твоей родительницы, лучше — повелительницы, и не изнурилъ грязною любовью мою недругу, а вмѣсто

того самъ, по возрасту еще мальчикъ, навязался къ ней своими своевольными и незрѣлыми объятіями, какъ будто я и въ самомъ дѣлѣ потерплю невѣсткою свою соперницу! Но во всякомъ случаѣ ты слишкомъ рано вообразилъ себѣ, бездѣльный и вѣтреный развратникъ, что ты единственное мое порожденіе и что я не могу, по своему возрасту, еще зачать! Итакъ знай, если я захочу, я рожу другого сына, гораздо лучшаго тебя; или, чтобы ты сильнѣе чувствовалъ безчестье — усыновлю кого-нибудь изъ моихъ рабовъ и ему подарю твои крылья, факель, лукъ и самыя стрѣлы и всѣ мои снаряженія, которыя я дала тебѣ вовсе не для такого употребленія. И вѣдь къ тебѣ ничего добраго не перешло отъ твоего отца для твоего служенія. И ты съ самага ранняго дѣтства ведешь дурную жизнь и обнаруживаешь вострыя руки: сколько разъ ты безпокоилъ непочтительно своихъ старшихъ и даже свою мать; меня, говорю, самое ты, преступникъ, раздѣвалъ ежедневно и еще чаще ранилъ и всячески унижалъ какъ какую вдову. И отчима своего, того храбрѣйшаго и величайшаго воителя, ты не убоился, — а то нѣтъ? — вѣдь и его частенько, чтобы помучить меня, ты угощалъ прелободѣйными дѣвицами! Но ужъ я сдѣлаю такъ, что ты расквѣешься въ этой потѣхѣ и почувствуешь тягость и горечь этого брака!»

«Но, перенеся посмѣяніе, что мнѣ теперь дѣлать? Куда обратиться? Какими мѣрами обуздать дерзкаго бездѣльника? Развѣ поискать помощи у враждебной мнѣ Воздержности, съ которой я частенько сталкивалась изъ-за его-же немѣренности? Но я прямо-таки, нужно сказать правду, боюсь разговора съ невѣжественной и грязной женщиной. Впрочемъ, я не должна пренебрегать отрадой мщенія, откуда-бы она ни

пришла, а она мнѣ вѣдь просто находка, и никто другой кромѣ нея не исправитъ самымъ рѣшительнымъ образомъ моего шалопая: она отвячетъ у него колчанъ, отниметъ стрѣлы, совлечетъ съ него лукъ и погаситъ факель, да и самое тѣло его обуздаетъ ѣдкими лѣкарствами. Тогда только я повѣрю, что счастливо исчерпана причиненная мнѣ обида, когда она обрѣжетъ его волосы, которые я этими моими руками раздѣляла на пряди подъ золотымъ уборомъ, и окаракаетъ ему крылья, которыя я увлажняла на своемъ лонѣ нектарными струями».

Высказавшись такъ, она, взволнованная, негодую Венеринымъ гнѣвомъ, медленно выходитъ изъ дому, но тутъ ее встрѣтили Церера и Юнона, которыя, увидя ея гнѣвное лицо, спросили: «почему ты насушила брови и тѣмъ омрачаешь красоту сверкающихъ очей?» Она отвѣчаетъ имъ:

«Кстати пришли вы, вы какъ будто хотите принести отраду моей поистинѣ пылающей груди. И я молю васъ, сыщите своими столь могущественными силами крылатую бѣглянку Психею. Вѣдь, конечно, и отъ васъ не укрылась порочащая молва о моемъ домѣ и о дѣяньяхъ моего сына, о которыхъ не слѣдъ и говорить».

Тогда тѣ, зная хорошо, въ чемъ дѣло, начали успокаивать лютый гнѣвъ Венеры: «Въ чемъ такомъ, владычица, провинился твой сынъ, что ты съ непреклоннымъ духомъ нападаешь на его забавы и даже хочешь погубить ту, которую онъ любитъ? Просимъ тебя, скажи, что за вина, если онъ съ любовью улыбнулся пригожей дѣвушкѣ? Иль ты не знаешь, что онъ мужчина и юноша, иль, быть можетъ, ты уже забыла, сколько ему лѣтъ? Или потому, что онъ мило выглядитъ въ своемъ возрастѣ, онъ будетъ всегда казаться тебѣ мальчикомъ? Вѣдь ты мать и вдобавокъ умная женщина, неужели-же ты

всегда такъ старательно будешь разузнавать о забавахъ своего сына, осуждать въ немъ его блажь, изболчивать его любовныя интрижки и въ своемъ прекрасномъ сынѣ сдерживать свои-же художества и услады? Но кто-жъ изъ боговъ, кто изъ людей потерпитъ, чтобы ты, сѣющая повсюду среди людей страсти, горько обуздывала любовь въ своемъ-же домѣ и закрыла общественную мастерскую женскихъ пороковъ!»

Такъ, бояся стрѣлъ Купидона, льстили онѣ ему услужливою защитою, хоть его самого здѣсь и не было. Но Венера, негодую, что обида, нанесенная ей, вызываетъ насмѣшки, сердито шагая направляется другою дорогою къ морю.

Между тѣмъ Психея бѣжитъ впередъ, бросается во все стороны въ поискахъ своего супруга, день и ночь тревожась въ душѣ и желая, насколько возможно, смягчить разгнѣванного супруга и, если ужъ не супружескими ласками, то хоть робкими мольбами умиловитъ его. И завидя на вершинѣ крутой горы какой-то храмъ, она говоритъ: «Почемъ знать, быть можетъ, тамъ живетъ мой владыка» — и тотчасъ направляетъ туда торопливые шаги, подстрекаемая, несмотря на утомленіе отъ непрестанной ходьбы, надеждою и обѣтомъ. И настойчиво преодолевъ высочайшія кручи, входитъ она и приближается къ двойному трону. И видитъ она хлѣбные колосья въ кучѣ, и другіе, свитые въ вѣнки; видитъ колосья ячменя. Были тамъ также серпы и орудія жнецовъ со всего міра, все это лежало тамъ и сямъ, разбросанное въ беспорядкѣ, какъ бываетъ обыкновенно въ страдную пору, покинутое руками работающихъ. Все это Психея старательно приводитъ въ порядокъ, складывая порознь, затѣмъ тщательно все складываетъ, полагая,

конечно, что ей не слѣдуетъ оставлять въ небреженіи посвященнаго и составляющаго культъ какого-то бога, но мольбами привлечь милостивое состраданіе всѣхъ.

И вотъ, усердно занятую своимъ дѣломъ Психею застаётъ богиня Церера и громко восклицаетъ: «Да какъ-же это, бѣдняжка Психея! Раздраженная Венера бѣшено разыскиваетъ твой слѣдъ по всему свѣту и хочетъ покарать тебя самую крайнюю карою, нетерпѣливо, всѣми силами своего божества жаждая отмщенья, а ты тутъ вознишься съ моими вещами и думаешь о чемъ угодно, кромѣ своего спасенія!»

Тутъ Психея, припавши къ ногамъ ея и орошая обильными слезами слѣды богини, влача по землѣ свои волосы, прерывающимися мольбами просить о заступничествѣ: «Заклинаю тебя твоею плодоносной десницею и умоляю тебя, ради радостныхъ обрядовъ жатвы, ради молчаливыхъ тайнъ ларцовъ твоихъ и крылатаго бѣга твоихъ слугъ-драконовъ, ради бороздъ Сицилійской земли, плуга жаднаго и твердой земли, заклинаю снисхожденьями подѣ землю для темнаго брака Прозерпины и возвращеніями на землю полную свѣта обрѣтеній и прочимъ, что въ молчаньи таитъ святилище Аттической Элевсины, — будь поддержкою внушающей жалость душѣ Психеи, которая умоляетъ тебя. Дай свое согласіе на то, чтобы я укрылась на нѣсколько дней среди этой груды колосьевъ, пока не смягчится яростный гнѣвъ богини, или, по крайней мѣрѣ, пока не возобновится за это время мои силы, истомленная долговременною ходьбою».

Церера сейчасъ-же отвѣчаетъ ей: «Хотя я тронута твоими слезными мольбами и желаю помочь тебѣ, но я не могу воздать зломъ моей родственницѣ, съ которой я связана вдоба-

вокъ узами старинной дружбы и которая, кромѣ того, вообще добрая женщина. Итакъ, удались сейчасъ-же изъ этого обиталища и считай для себя счастьемъ ужъ и то, что я не удержу тебя и не отдамъ подѣ стражу».

Прогнанная вопреки своей надеждѣ и подавленная двойною печалью, Психея направляется въ обратный путь. И видитъ она въ просвѣтѣ рощи, находившейся внизу въ долинѣ, храмъ, построенный съ замысловатымъ искусствомъ, и не желая пренебрегать совершенно даже невѣрной дорогой къ надеждѣ на лучшее, а прибѣгнуть къ милости какого-нибудь бога, приближается къ священнымъ вратамъ. Видитъ она драгоценные дары, края одежды, подвѣшенные на вѣтвяхъ деревьевъ и на дверныхъ косякахъ и исписанные золотыми буквами, которые свидѣтельствовали, вмѣстѣ съ благодареніемъ за дѣянія, и имя бога, которому были посвящены. Тогда, преклонивъ колѣни и обнявъ руками охладѣвшій жертвенникъ, она со слезами начинаетъ умолять: «Сестра и супруга великаго Юпитера, имѣешь-ли ты древнее святилище на Самосѣ, который прославленъ явленіемъ твоимъ на свѣтѣ, жалобнымъ крикомъ и вскормленнымъ твоими; посѣщаешь-ли ты счастливыя обиталища высокаго Карагена, который почитаетъ тебя — дѣву, парящую по небу и везомую львомъ; или близъ береговъ Инаха, который помнитъ еще тебя женою Громовержца и царицею богинь, охраняешь ты славныя Аргосскія стѣны, — ты, которую весь востокъ чтитъ подѣ именемъ Зигиі, а весь западъ именуетъ Люциною, будь мнѣ, въ моихъ крайнихъ бѣдствіяхъ, Юноной-Соспитой и освободи меня, истомленную въ столькихъ тяготахъ, отъ ужаса грозившей мнѣ опасности. Вѣдь я знаю, ты нерѣдко приходишь на помощь находящимся въ затрудненіи беременнымъ».

И сейчас-же предъ ней, преклоненной въ мольбѣ, предстаётъ сама Юнона во всемъ величїи своего божескаго достоинства и прямо говоритъ ей такъ: «Какъ хотѣлось-бы мнѣ, повѣрь, подарить за твои мольбы свое мановеніе! Но противъ желанія Венеры, моей невѣстки, которую я всегда любила какъ дочь, поступить мнѣ не позволить совѣсть. Тутъ удерживаютъ меня также законы, запрещающіе оказывать поддержку чужимъ рабамъ и бѣглецамъ противъ воли господъ».

Въ конецъ убитая этимъ ударомъ судьбы, не въ силахъ настичь ускользнувшаго отъ нея супруга, Психея, отложивъ всякую надежду на спасеніе, такъ говоритъ сама съ собою: «Какую ужъ другую помощь могу я привлечь и испытать въ своихъ невзгодахъ, которыхъ не въ силахъ было облегчить даже сочувствіе благосклонныхъ богинь! И такъ, куда снова направить мнѣ, запутавшейся въ такихъ силкахъ, стопы свои? И подъ какою кровлею, въ какихъ потемкахъ скрыться мнѣ и пайти убѣжище отъ неотразимыхъ очей великой Венеры? Такъ почему-бы не стать мнѣ мужественнѣе душою и, отказавшись смѣло отъ пустого призрака, не возвратиться добровольно къ своей повелительницѣ и хотъ запоздалой скромностью смягчить свирѣпныя ея нападки? Кто знаетъ, быть можетъ тамъ, въ домѣ матери, ты обрѣтешь того, кого такъ долго разыскиваешь!»

Приготовившись такъ къ послѣднему средству — къ повиновенію, а скорѣе къ вѣрной гибели, она про себя обдумываетъ, какъ начать ей свои мольбы.

А Венера, отказавшись отъ земныхъ средствъ для отысканія Психен, отправляется на небо. Она приказываетъ снарядить колесницу, которую сдѣлать съ тонкимъ и причудливымъ искус-

ствомъ художникъ Вулканъ, предложивъ ей предъ бракомъ какъ первый свадебный подарокъ, замѣчательный по утонченной обработкѣ и драгоценный по затраченному на него золоту. Изъ множества находившихся около опочивальни владычицы голубей отдѣляются четыре бѣлыхъ голубки и радостно склоняютъ, приблизившись, свои красивыя шейки подъ украшенное драгоценными камнями ярмо и, весело вспорхнувъ, поднимаютъ на воздухъ свою госпожу. Сопровождающіе колесницу богини воровбы шумно рѣзвились вокругъ, громко чиркая и, какъ и другія, сладкопоющія птички, нѣжно заливавшіяся медовыми мелодїями, громко возвѣщали о приближеніи богини. Разступаются облака и небо отверзается для своей дочери и вышній эфиръ, ликуя, подхватываетъ богиню. А пѣвчая семья великой Венеры не боится ни встрѣчныхъ орловъ, ни хищныхъ ястребовъ.

Тутъ она прямо направляется къ царственному обиталищу Юпитера и гордо требуетъ позвать къ себѣ Меркурія, бога-глашатая, чтобы воспользоваться его услугами для своего дѣла. И темная бровь Юпитера не дрогнула въ знакъ отказа. Тогда ликуя, уже въ сопровожденіи Меркурія, Венера сейчасъ-же спускается съ неба и въ сильномъ волненіи сыплетъ ему такія слова: «Аркадскій братъ, ты вѣдь знаешь, что твоя сестра Венера никогда не дѣлала ничего безъ помощи Меркурія, и во всякомъ случаѣ не укрылось отъ тебя, сколько времени я не могу отыскать сбѣжавшей отъ меня моей служанки. Теперь не остается ничего больше, какъ всенародно объявить чрезъ твое посредство награду за ея розыскъ. Исполни-же во-время мое порученіе и объяви ясно примѣты, чтобы всякій могъ знать, и на тотъ случай, что если-бы кто оказался виновнымъ въ непростительномъ

укрывани, то онъ не могъ-бы оправдываться и защищаться невѣдѣніемъ».

И съ этими словами она протягиваетъ ему свитокъ, гдѣ значилось имя Психей и прочее. Покончивъ съ этимъ, она сейчасъ-же удаляется домой. А Меркурій не упускаетъ случая выказать свое повиновение: онъ пробѣжалъ повсюду, по границамъ всѣхъ народовъ и въ такихъ словахъ исполнилъ обязанность обнародовать порученное ему: «Если кто-либо сможетъ возвратитъ изъ бѣговъ или указать скрывающуюся бѣглянку, дочь царя и служанку Венеры по имени Психею, пусть тотъ придетъ къ глашатаю Меркурію, за Миртійскую мету, чтобы получить, въ силу объявленія, отъ самой Венеры семь сладостныхъ поцѣлуевъ и еще одинъ, еще болѣе медовый, съ прикосновеніемъ ея нѣжно-ласкающаго язычка».

Послѣ этого объявленія Меркурія желаніе такой награды возбудило на перебой усердіе всѣхъ смертныхъ, и это обстоятельство всего болѣе побудило Психею оставить всякую медлительность. Когда она уже приближалась къ вратамъ своей госпожи, навстрѣчу ей выбѣжала одна прислужница изъ челяди Венеры, по имени Привычка, и тотчасъ-же, что было силы, закричала: «Наконецъ-то, негоднѣйшая служанка, ты стала соображать, что у тебя есть госпожа! Или ты и теперь станешь выдумывать, по своему безразсудному праву, что ты не знаешь и того, сколько трудовъ мы понесли, разыскивая тебя? Но хорошо, что ты попалась сейчасъ въ мои руки: ты уже надежно сидишь за рѣшетками Орка, ожидая назначеннаго тебѣ за твое упорство наказанія!»

И дерзко заустивъ руку въ волосы Психей, она повлекла ее, хотя та вовсе и не сопротивлялась. Лишь только ее привели предъ лицо

Венеры, та заилась громкимъ смѣхомъ, какимъ смѣются яростно разгнѣванные, и, потрясая головою, почесывая правое ухо, сказала: «Не удостоишь-ли ты, наконецъ, привѣтствія свою свекровь? Или ты, быть можетъ, пришла навѣстить своего супруга, который въ опасности отъ причиненной тобою раны? Но будь покойна, я приму тебя, какъ прилично принять добрую невѣстку». И сказавъ: «Гдѣ Скорбь и Печаль, мои прислужницы?» она зоветъ ихъ внутрь и передаетъ имъ Психею на мученіе.

А тѣ, слѣдуя приказанію своей госпожи, избиваютъ бичами бѣдняжку Психею и, подвергнувъ всяческимъ пыткамъ, опять приводятъ на лицезрѣніе госпожи. Тутъ снова засмѣялась Венера и сказала: «Во всѣхъ насъ она возбуждаетъ состраданіе искусственною прелестью своего вздутаго живота, благодаря которому она, конечно, сдѣлаетъ меня счастливою бабушкой своего преславнаго отпрыска. И я, дѣйствительно, счастлива: въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ я буду называться бабушкой, и сынъ презрѣнной служанки прослыветъ внукомъ Венеры! Впрочемъ, нелѣпо и попусту я называю его сыномъ: вѣдь неравный бракъ, совершенный къ тому-же безъ свидѣтелей въ какомъ-то помѣстьѣ и безъ согласія отца, не можетъ быть законнымъ. И отпрыскъ ея родится поэтому незаконнымъ, — и то еще, если мы потерпимъ, чтобы ты до конца доносила этотъ плодъ».

Съ этими словами она вцѣпляется въ Психею, распахиваетъ во многихъ мѣстахъ ея одежду, выдираетъ ей волосы, бьетъ по головѣ и, тяжело избивъ ее, беретъ потомъ зеренъ ржи, пшеницы, проса, мака, гороха, чечевицы и бобовъ и, смѣшавъ все въ одну кучу, говоритъ ей: «Ты кажешься мнѣ столь безобразною служанкой, что развѣ только своею усердною службою

ты добудешь себѣ любовниковъ, и потому я хочу испытать твою пригодность къ этому. Разбери-ка вотъ эту грудку сѣмянъ и разложи каждый родъ зеренъ отдѣльно, и сегодня-же къ вечеру представь мнѣ работу для одобренія».

И указавъ ей огромную грудку сѣмянъ, сама удаляется на свадебный пиръ. А Психея даже не шевельнула рукою, чтобы совершить эту громадную и невыполнимую работу, но, угнетенная безжалостнымъ приказомъ, погружается въ безмолвное отчаяніе. Тогда маленькій муравей-землекопъ, сознавая непосильную тяжесть задачи, изъ состраданія къ подругѣ великаго бога, проклиная жестокость ея свекрови, безъ устали забѣгаетъ во всѣ стороны, созывая и собирая цѣлую рать сосѣднихъ муравьевъ: «Пожалѣйте, неутомимые питомцы всепроизводящей земли, пожалѣйте супругу Амура, пригожую дѣвушку; бѣгите проворно на помощь къ ней, находящейся въ опасности!» И вотъ устремляются одна за другою волны шестиногихъ народовъ и всѣ съ величайшимъ усердіемъ начинаютъ растаскивать по зернышку грудку сѣмянъ и, разложивъ все по родамъ, тотчасъ скрываются.

А съ наступленіемъ ночи съ брачнаго пира возвращается опьяненная виномъ, благоухающая бальзамомъ и увитая по всему тѣлу блистающими розами Венера и, взглянувъ на удивительную по прилежанію работу, сказала: «Не твое и не твоихъ рукъ это дѣло, негодница, но того, кому ты понравилась на свое, вѣрнѣе, — на его-же горе». И бросивъ кусокъ чернаго хлѣба, уходитъ спать.

Между тѣмъ Купидона, запертаго во внутреннихъ покояхъ въ одной изъ опочивальень, зорко охраняли, отчасти чтобы легкомысленной проказой онъ не развердилъ своей раны, от-

части чтобы онъ не встрѣтился со своей желанной. И вотъ разлученнымъ любовникамъ пришлось провести подъ одной кровлей тяжелую ночь.

Но лишь только выѣхала на своей колесницѣ Аврора, какъ Венера призываетъ Психею и говоритъ ей такое: «Видишь ты эту рощу, которая подходитъ къ длиннымъ берегамъ протекающей мимо нея рѣки, въ близкія струи которой смотрятся вершины деревьевъ? Тамъ бродятъ сверкающія и горящія золотымъ отливомъ овцы, которыя пасутся безъ призора. Ты выдернешь клокъ ихъ драгоцѣнной шерсти и тотчасъ-же, гдѣ хочешь возьми, но принеси его мнѣ».

Психея съ радостью отправляется, впрочемъ вовсе не съ намѣреніемъ исполнить ея приказаніе, а чтобы найти успокоеніе отъ невзгодъ, бросившись внизъ съ прибрежной скалы. Но оттуда, съ рѣки, кормилицы сладостной музыки, легкимъ ропотомъ, доносимымъ божественнымъ дыханіемъ сладостнаго вѣтра, такъ вѣщаетъ ей зеленый тростникъ: «О, Психея, терзаемая горестями, не оскверняй своею горестной смертию мои священныя воды и не приближайся въ этотъ часъ къ поистинѣ ужаснымъ овцамъ, когда, возбужденныя солнечнымъ зноемъ, онѣ обнаруживаютъ свою ярость и острымъ рогомъ, твердымъ лбомъ и ядовитыми укусами грозятъ погибелью смертнымъ. Но пока полдень умѣритъ зной солнца и нѣгою рѣки утишится ярость этихъ животныхъ, ты можешь вонъ подъ тѣмъ высокимъ платаномъ, который вмѣстѣ со мною пьетъ воду рѣки, укрыться въ потаенномъ мѣстѣ; а какъ только укротится бѣшенство обезумѣвшихъ овецъ, ты найдешь въ листвѣ сосѣдней рощи клокъя золотой шерсти, застрявшей между торчащихъ сучьевъ».

Такъ простой и человѣколюбивый тростникъ указываетъ несчастнѣйшей Психеѣ путь къ спа-

сенію. И выслушавъ это подробное и столь необходимое наставленіе, она не отступаетъ, а сохранивъ его въ душѣ, изъ указанного ей убѣжища наполняетъ пазуху золотымъ руномъ и приноситъ его Венерѣ. И однако эта вторичная опасность второго подвига не была удостоена похвалы владычицы. Вскинувъ бровями и язвительно усмѣхаясь, она сказала: «Не думай, что отъ меня укрылся виновникъ этой поддѣльной работы. Но теперь-то ужъ я узнаю, дѣйствительно-ли ты одарена такою отважною душою и столь рѣдкостнымъ благоразуміемъ. Видишь ты вонъ ту острую макушку самой высокой скалы на крутой горѣ, съ которой стекають бурые каскады черного источника и, стѣсненные русломъ сосѣдней долины, орошаютъ Стигійскія болота и питають хриплыя воды Коцита? И вотъ изъ глубокаго родника, бьющаго на самой вершинѣ, ты зачерпнешь этимъ сосудомъ влаги и не медля принесешь мнѣ». Съ этими словами, подкрѣпляя ихъ тяжкими угрозами, она передаетъ Психеѣ выточенный изъ хрусталя сосудъ.

А та усердно ускоряетъ шаги и направляется къ самому крайнему выступу горы, разумѣется съ намѣреніемъ найти тамъ конецъ своей злосчастнѣйшей жизни. Но лишь только приблизилась она къ границѣ указанного ей мѣста, она видитъ смертную трудность безнадежнаго дѣла: передъ ней громадная скала, скользкая, съ непреодолимыми уступами, извергала изъ каменныхъ глотокъ ужасные источники, которые, исторгаясь изъ отверстій и овраговъ, стремительно неслись по склонамъ и, стѣсненные прорытымъ въ землѣ узкимъ каналомъ, незамѣтно выходили на сосѣднюю долину. Справа и слѣва изъ отверстій въ скалахъ выползали лютые драконы и, вытянувъ длинныя шеи, уставлялись своими несмыкающимися, вѣчно бодр-

ствующими глазами съ неизмѣннымъ блескомъ подкарауливающихъ зрачковъ. Сами воды предостерегали различными голосами, восклицая немолчно: «Уходи прочь!» «Что ты дѣлаешь? Смотри, «Что ты дѣлаешь? Берегись,» «Бѣги,» «Ты погибнешь.»

Оцѣпенѣвшая при видѣ этихъ непреодолимыхъ препятствій, Психея хотя и не отрѣшилась отъ своего тѣла, но чувства покинули ее, и, въ конецъ подавленная гнетомъ опаснаго, но непреложнаго испытанія, она лишается и послѣдняго своего утѣшенія — слезъ. Но отъ зоркихъ глазъ добраго провидѣнія не укрылись невзгоды невинной души: царственная птица, хищный орелъ верховнаго Юпитера, помня былую услугу, — когда онъ съ помощью Купидона вознесъ къ Юпитеру Фригійскаго виночерпья, — покидаетъ горныя вершины и, распластавъ крылья въ воздухъ, прилетаетъ прямо къ дѣвушкѣ, воздавая почетъ богу въ невзгодахъ его супруги, и говорить: «Неужели-же ты, простодушная и неопытная въ такихъ дѣлахъ, надѣешься, что тебѣ удастся похитить хоть одну каплю изъ священнѣйшаго, но все-же враждебнаго источника, или хотя-бы только коснуться его? Даже богамъ и самому Юпитеру страшны тѣ Стигійскія воды, — развѣ тебѣ не извѣстно это изъ прорицанія? — какъ и то, что вы клянетесь именемъ боговъ, а боги обыкновенно клянутся величіемъ Стикса? Но подай этотъ сосудъ!» И тутъ, схвативъ его, онъ стремительно понесся, спѣша наполнить его водою. Быстро взмахивая крыльями и уклоняясь то вправо, то влѣво отъ алчныхъ зубовъ, пастей и растрѣбанныхъ языковъ драконовъ, онъ достигаетъ запретной воды, и, чтобы ускользнуть также невредимымъ, оправдывается предъ угрожающими ему, выдумавъ, будто онъ по

приказанію Венеры просить, чтобы вода далась ему въ руки; послѣ этого оказалось, что подступиться уже гораздо легче. Получивъ такимъ способомъ полную до краевъ урну, Психея радостно спѣшитъ съ нею къ Венерѣ.

Но даже и теперь не могла она снискать себѣ милостиваго одобренія разгнѣванной богини. Грозя и зловѣще усмѣхаясь, та съ еще пущими поношеніями обращается къ ней: «Ты сдасяшь мнѣ какою-то волшебницей и просто великой чародѣйкой, — ты такъ легко выполнила всѣ столь трудныя мои порученія. Но, мой дѣточка, ты должна еще сослужить мнѣ воть какую службу. Возьми-ка этотъ ящичекъ, — и она подаетъ ей ящичекъ, — и направляйся прямо къ подземнымъ погребальнымъ пенатамъ самого Орка; тамъ ты должна будешь поднести его Прозерпинѣ и сказать: «Просить тебя Венера прислать ей чуточку твоихъ притираний, чтобы ихъ хватило по крайней мѣрѣ на одинъ денекъ, такъ какъ всс, что у нея было, она израсходовала и истерла, ухаживая за своимъ больнымъ сыномъ». Возвратиться-же ты должна какъ разъ къ сроку, — мнѣ необходимо послѣ этого прикраситься, чтобы отправиться на собраніе боговъ».

Тутъ Психея уже окончательно почувствовала, что пришелъ послѣдній ея часъ и, отбросивъ завѣсу самообмана, ясно поняла, что осуждена на скорую смерть. Да и какъ-же иначе: вѣдь ей приказано сойти собственными ногами туда — къ Тартару и манамъ! Не медля далѣе, она устремляется къ какой-то высокой башнѣ, намѣреваясь броситься съ нея внизъ: такъ, разсуждала она, она прямѣе и легче всего спустится въ преисподнюю. Но вдругъ, неожиданно, башня издаетъ голосъ и говоритъ: «Зачѣмъ, о несчастная, ты стремишься погубить себя,

пизвергнувшись внизъ? Зачѣмъ безразсудно отступашь предъ этимъ послѣднимъ испытаніемъ и подвигомъ? Вѣдь если сейчасъ душа твоя будетъ разлучена съ тѣломъ, ты, правда, сойдешь прямо въ подземный Тартаръ, но вернуться оттуда ты ужъ не сможешь никакъ. Послушай-же меня. Лакедемонъ, знаменитый городъ Ахайи, расположенъ тутъ недалеко. Разыщи со-сѣдній съ нимъ, сокрытый неприступными мѣстами Тенаръ: тамъ отдушина Дія, и черезъ зияющія врата передъ тобой откроется непроходимая дорога, сейчасъ-же какъ только ты переступишь порогъ, и тогда ты прямымъ подземнымъ проходомъ достигнешь самаго дворца Орка. Но не съ пустыми руками должна ты будешь вступить въ тѣ мрачныя подземелья: ты должна взять въ обѣ руки лепешки, сдѣланныя изъ ячменно-медовой муки, а въ устахъ держать двѣ денежки. И пройдя уже добрую часть смертнаго своего пути, ты встрѣтишь хромого осла, несущаго на себѣ вязанку дровъ, съ такимъ-же хромымъ погонщикомъ, который станетъ упрашивать тебя, чтобы ты подняла и протянула ему нѣсколько хворостинокъ, упавшихъ изъ связки. Но ты не подавай ему совсѣмъ голоса и молча проходи мимо. Вслѣдъ за тѣмъ ты придешь къ рѣкѣ мертвыхъ, хозяйинъ которой, Харонъ, за перевозъ требуетъ платы впередъ, и только тогда въ утломъ челнѣ перевозитъ на другой берегъ приходящихъ къ нему. Видно и въ царствѣ мертвыхъ живетъ скудость, и тотъ Харонъ или отецъ Дія, такой богъ, онъ ничего безвозмездно не дѣлаетъ, такъ что бѣднякъ, умирая, долженъ имѣть на дорогу деньги: и если окажется, что у него случайно нѣтъ въ рукѣ мѣдной монеты, никто не допуститъ его испустить свой духъ. Этому-то старинку-свадьжнику ты дашь, въ видѣ платы за перевозъ,

одну из денежек, которые будут при тебѣ, — но такъ, чтобы онъ самъ, своею рукою, взялъ ее изъ твоихъ устъ. Равнымъ образомъ, когда ты будешь переправляться чрезъ лѣнливо текущую рѣку, тебя будетъ умолять какой-то старикъ-мертвецъ, плавающий на поверхности и воздымающій свои разлагающія руки, чтобы ты приняла его къ себѣ въ лодку: но ты не поддавайся пагубному состраданію. Когда же ты переправишься чрезъ рѣку и пройдеши немного впередъ, къ тебѣ обратятся съ мольбой старухиткачиhi, ткущія основу, чтобы ты хоть чуточку помогла имъ. Но сохрани тебя богъ прикоснуться къ ихъ работѣ! Ибо все это какъ и многое еще другое произойдетъ съ тобою по кознямъ Венеры, чтобы ты уронила изъ рукъ хоть одну лепешку. Но не думай легкомысленно, что потеря этихъ лепешекъ — ничто: знай, если ты потеряешь хоть одну изъ нихъ, впредь этотъ свѣтъ закрытъ для тебя. И преогромный, лютый и страшный песь, надѣленный тройною и изрядно огромною головою, лающій своими зычными глотками, которыми, правда, онъ уже не можетъ причинить мертвымъ никакого вреда и только напрасно пугаетъ ихъ, этотъ песь лежитъ всегда на стражѣ передъ самымъ порогомъ мрачнаго атрія Прозерпины и охраняетъ пустое жилище Діа. Ты легко усмиришь его, бросивъ ему одну изъ ячменныхъ лепешекъ, и пройдеши мимо; затѣмъ ты прямо войдешь къ самой Прозерпинѣ, которая радушно и благо-склонно приметъ тебя и даже будетъ уговаривать тебя присѣсть покойнѣе и отвѣдать роскошнаго кушанья. Но ты сядь на землѣ и попроси черстватаго хлѣба; потомъ ты скажешь, зачѣмъ пришла и, взявъ то, что тебѣ дадутъ, возвращайся обратно и снова подкупи свирѣпость пса оставшейся у тебя лепешкою; потомъ,

давъ скупому лодочнику денежку, которую ты сбережешь, ты переправишься черезъ рѣку и, ступая по прежнимъ слѣдамъ, возвратишься къ этому сонму небесныхъ свѣтилъ. Но главнымъ образомъ совѣтую тебѣ въ особенннсти воздержаться отъ того, чтобы открыть или заглянуть въ тотъ ящичекъ, который ты будешь нести, и вообще не любопытствовать насчетъ сокрытаго въ немъ сокровища божеской красоты.

Такъ прозорливая башня изясняетъ ей суть прорицанія. И Психея, немедля, приходитъ къ Тенару и, взявъ, какъ слѣдовало, денежки и лепешки, спускается по подземному ходу. Пройдя молча мимо увѣчнаго погонщика осла, отдавъ перевозчику должную плату, не внимая просьбамъ плававшего на поверхности воды мертвеца и презрѣвъ коварныя мольбы ткачихъ, усмиривъ ужасающую ярость пса ячменными лепешками, она вступила въ домъ Прозерпины. Тамъ, не обнявъ хозяйки, предложившей ей покойное кресло и блаженныхъ яствъ, а сѣвши смиренно у ея ногъ, Психея подкрѣпляется чернымъ хлѣбомъ и передаетъ порученіе Венеры. Она сейчасъ же получаетъ тайно наполненный и запертый ящичекъ и, обманувъ лающаго пса другою лепешкою, отдавъ послѣднюю денежку перевозчику, уже бодрѣе выходитъ изъ подземелья. И по возвращеніи, поклонившись бѣлому свѣту, она, хотя и спѣшитъ довести до конца данное ей порученіе, но ея мыслями вдругъ овладѣваетъ опрометчивое любопытство, и она говоритъ: «Ну, и глупая же я — несу божественную красу и не возьму для себя ни чуточки, чтобы приглянуться своему любовнику». Съ этими словами она открываетъ ящичекъ. Ничего въ немъ не оказалось, не было и никакихъ прикрасъ, а былъ тамъ только сонъ изъ царства

мертвыхъ, поистинѣ Стигійскій сонъ, который, какъ только освободился отъ покрова, сейчасъ-же овладѣлъ Психеей, разлился густымъ туманомъ истомы по всѣмъ ея членамъ и сковалъ ее, такъ что она упала среди пути на самой дорогѣ. И лежала недвижимая, точно покоящийся въ вѣчномъ снѣ трупъ.

А Купидонъ, уже выздоровѣвшій отъ своей тяжелой раны, не вынеся продолжительной разлуки со своей Психеей, ускользаетъ черезъ узенькое окно опочивальни, въ которой онъ былъ заключенъ и, вспорхнувъ на своихъ окрѣпшихъ послѣ столь продолжительнаго отдыха крыльяхъ, стремительно подлетаетъ къ своей Психеѣ, заботливо отгоняетъ отъ нея сонъ, прячетъ его на прежнее мѣсто въ ящичекъ и пробуждаетъ Психею безвреднымъ уколомъ своей стрѣлы, говоря: «Вотъ и теперь погибла-бы ты, бѣдняжка, отъ такого-же любопытства. Но поспѣши покончить съ порученіемъ, которое дала тебѣ моя мать, а объ остальномъ позабочусь я самъ». Съ этими словами легкрылый любовникъ улетаетъ, а Психея сейчасъ-же приноситъ Венерѣ даръ Прозерпины.

Между тѣмъ Купидонъ, снѣдаемый своею великою любовью, съ печалью въ лицѣ, опасаясь внезапной суровости матери, возвращается къ прежнимъ продѣлкамъ и на быстрыхъ крыльяхъ проникаетъ на вершину неба и умоляетъ великаго Юпитера помочь ему, изложивъ свое дѣло. Тутъ Юпитеръ, ушпнувъ Купидона за щечку, прижалъ его рукою къ своимъ устамъ, поцѣловалъ и сказалъ ему такъ: «Владыка сынъ мой, хотя ты никогда не соблюдалъ по отношенію ко мнѣ почестей, установленныхъ съ общаго согласія боговъ, но безпрестанными ранилъ уколами эту грудь мою, по волѣ которой устанавливаются законы стихій и порядокъ свѣтила, хотя

частенько ты осквернялъ меня земной страстью и, противъ законовъ, противъ самого даже Юліева закона и въ нарушение общественнаго порядка позорными прелюбодѣянiami вредилъ мнѣнию обо мнѣ и давалъ пищу худой молвѣ, хотя ты пятналъ мой свѣтлый ликъ, превращая меня въ змѣй, въ пни, въ дикихъ звѣрей, птицъ и даже простой скотъ; но я, по слабости своей, памятуя, что ты выросъ на вотъ этихъ моихъ рукахъ, сдѣлаю все, лишь-бы только ты сумѣлъ оградить себя отъ соперниковъ; но зато если на землѣ теперь есть какая-нибудь дѣвушка, отличающаяся особенною красотою, ты долженъ будешь отблагодарить ея меня за настоящее благодѣяніе».

Съ этими словами онъ приказываетъ Меркурію сейчасъ-же созвать на собраніе всѣхъ боговъ и объявить, что если кто изъ нихъ уклонится отъ участія въ небесномъ совѣтѣ, тотъ будетъ присужденъ къ пенѣ въ десять тысячъ монетъ. И когда подъ страхомъ такого штрафа весь вышній совѣтъ немедля собрался, Юпитеръ, возсѣдая на возвышенномъ тронѣ, возвѣстивъ такъ:

«Боги, внесенные на скрижали Музъ, вы всѣ конечно знаете этого вскормленнаго моими руками юношу, пылкаго нападенія котораго, хотя и обуздываемая порою удилами, я давно оцѣнилъ. Довольно ужъ безчестить его ежедневными розказнями о прелюбодѣянiяхъ и всяческихъ его непотребствахъ. Надо уничтожить къ тому всякій поводъ, и ребяческую блажь обуздать брачными узами. Онъ избралъ себѣ дѣвушку и лишилъ уже ее невинности, — пусть-же онъ удержитъ ее и обладаетъ ею и всегда наслаждается любовью въ объятiяхъ своей Психеи. И обернувшись къ Венерѣ, сказалъ: «А ты, дочь моя, не печалься ни о чемъ и не бойся

для своего рода и состоянія этого брака со смертной. Я вѣдь сдѣлаю этотъ бракъ вполне уравненнымъ, законеннымъ и согласнымъ съ гражданскимъ правомъ». И тотчасъ-же онъ приказываетъ Меркурію найти Психею и возвести ее на небо. И протягивая ей бокалъ амброзіи, говоритъ: «Прими, Психея, и будь бессмертна, и никогда Купидонъ не уйдетъ отъ твоихъ объятий, но этотъ бракъ будетъ навѣки нерасторжимымъ».

И немедленно задается роскошный брачный пиръ. Супругъ возлежалъ на самомъ возвышенномъ ложѣ, прижимая къ груди своей Психею. Такъ-же возлежалъ со своею Юноною и Юпитеръ, а затѣмъ, по порядку, и остальные боги. Юпитеру подносили бокалъ нектара (единственное вино боговъ) его собственный виночерпій — тотъ деревенскій мальчикъ, — а остальнымъ прислуживалъ Либеръ. Вулканъ стряпалъ кушанья, Горы украшали все розами и другими цвѣтами, Граціи обрызгивали бальзамами, Музы пѣли пѣсни, Аполлонъ игралъ на китарѣ, а прекрасная Венера плясала въ ладъ со сладкою музыкой, изобразивъ слѣдующую сцену: Музы пѣли хоромъ, Сатиръ игралъ на флейтѣ, а Панискъ говорилъ въ свирѣль. И вотъ такъ-то, согласно обычаямъ, Психея отдалась подъ власть Купидона и, когда пришло время родовъ, у нихъ родилась дочь, которую мы называемъ Наслажде-ніемъ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

А
А78 П

Луцій АПУЛЕЙ.

Амуръ и Психея.

Каждый Выпускъ 10 к.

№ 210

Цѣна 10 к.